

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Вячеслав Коротин

ТРИУМФ БРОНЕНОСЦЕВ

Того на дно!

«До последнего
вымпела»

Вячеслав Юрьевич Коротин
Триумф броненосцев.
«До последнего вымпела»
Серия «Броненосцы победы», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6356322

*Коротин В. Ю. Триумф броненосцев. «До последнего вымпела» : Яуза,
Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-66555-6*

Аннотация

НОВЫЙ военно-фантастический боевик от автора бестселлера «Броненосцы победы»! Наши моряки меняют курс истории, не допустив позорного финала Русско-японской войны, с боем прорвавшись из Порт-Артура и сквозь горнило Цусимского пролива. Но даже проиграв Цусиму, Япония все еще очень сильна и, рассчитывая на гений адмирала Того и британскую помощь, срывает мирные переговоры. Война будет продолжаться до последнего броненосца, **«ДО ПОСЛЕДНЕГО ВЫМПЕЛА»!**

По силам ли русским эскадрам установить блокаду Японских островов, прервав снабжение вражеских войск на континенте? Чем закончится в этом варианте истории Мукденская «мясорубка»? Удастся ли навязать «самураям» генеральное

морское сражение на наших условиях и отправить Того на дно вместе со всем его флотом?

Содержание

Авторское предисловие	5
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	30
Глава 5	33
Глава 6	46
Глава 7	60
Глава 8	64
Глава 9	79
Глава 10	85
Глава 11	91
Глава 12	109
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Вячеслав Коротин

Триумф броненосцев.

«До последнего вымпела»

Авторское предисловие

История не признает сослагательного наклонения...

Разве? История утверждает, что все произошедшее только так и могло произойти? Никак иначе? От каждого конкретного человека ничего не зависит, и он не в состоянии перенаправить ее неумолимый ход?

Вы согласны с этим утверждением? Всего один шаг до: «От меня все равно ничего не зависит...». И отдаться течению той самой ИСТОРИИ.

На мой взгляд – не самая достойная позиция для мужчины, и тем более для офицера.

ОТ МЕНЯ ЗАВИСИТ ВСЕ! От моего решения здесь и сейчас зависит судьба сражения, войны и судьбы всего мира. **НИКАК ИНАЧЕ!..**

Первая Тихоокеанская эскадра не легла на дно внутреннего рейда Порт-Артура. Адмирал Вирен принял не то решение, что в реальной истории. Он решил прорываться из западни. Усыпив бдительность блокирующего крепость япон-

ского флота имитациями подрывов своих кораблей на минах, для достоверности даже утопив броненосец «Севастополь», в сентябре 1904 года артурская эскадра вырвалась из осажденного порта и ушла на соединение с балтийцами адмирала Рожественского, с которыми и встретилась на Мадагаскаре, усилив Вторую Тихоокеанскую минимум в полтора раза: «Ретвизан», «Победа», «Пересвет», «Полтава» и «Баян» с «Палладой» вошли в состав той армады, что накатывалась на Соединенный флот Страны восходящего солнца.

Эскадра продолжила свой путь. На Бонинском архипелаге русские корабли встретили Владивостокские крейсера, привели корабли в порядок и рванулись в тот самый Цусимский пролив, где в реальной истории произошла одна из самых неудачных битв флота Российской империи.

Эскадры встретились. Противники оказались достойны друг друга, и достаточно долго было неясно, кто одержит победу: в самой завязке сражения, по нелепому стечению обстоятельств, очень быстро погибли броненосный крейсер «Россия» и броненосец «Фудзи». Потом бой достаточно долго шел на равных, однако стало сказываться преимущество русских в тяжелых орудиях: один за другим были подбиты и утоплены броненосные крейсера японцев «Ниссин» и «Касуга» (а под конец сражения еще и «Асама»), потоплен миноминный избитый флагман адмирала Того «Микаса», почти одновременно с ним уничтожен крейсер «Такасаго», не выдержал пришедшегося на него огня и затонул броненосец «Асахи».

Русские потеряли «Ослябя» и «Дмитрия Донского». Ночью японские миноносцы утопили и крейсер «Паллада».

Но все-таки русская эскадра, избитая, искалеченная, дошла до Владивостока. Цусимское сражение закончилось с совершенно другими результатами.

Но судьбы войны решают не только адмиралы... Мичман Василий Соймонов в результате прорыва эскадры не погиб в составе десанта на горе Высокой – он заменил на мостике миноносца «Сердитый» тяжело раненного лейтенанта Колчака и тоже вырвался из Порт-Артура. Миноносец пришлось интернировать в Сайгоне, но юный офицер не остался в стороне от войны – на броненосце «Пересвет» он прошел через горнило Цусимского пролива и теперь, во время перемирия (недолгого), может наконец соединиться со своей любимой.

Иногда романы со свадьбы начинаются!..

Глава 1

«Белый Орел» с мечами покачивался возле правого бедра, а вот очередной «черный орел» на погоны так и не «прилетел»... Правда, Роберт Николаевич Вирен не очень-то на это и рассчитывал – он ведь и контр-адмирала получил меньше года назад. Хотя надежда, конечно, сначала теплилась... Но, увы. А вот на Рождественского пролился настоящий «золотой дождь»: и Георгий третьей степени, и голубая лента через плечо¹, и чин полного адмирала. Управляющим Морским министерством пока, правда, не назначили, но Зиновий Петрович был первой кандидатурой, как только данный пост освободится.

Да ладно! «Белый Орел» все-таки четвертый орден в иерархии Российской империи, сам Нахимов за Синоп получил именно эту награду. А уж после разбирательства по поводу «самоутопления» «Севастополя», которое Вирену устроили в Адмиралтействе, можно было считать, что герой прорыва артурской эскадры и боя в Цусимском проливе отделался вполне легко и почетно.

Но мысли адмирала достаточно быстро вернулись к ожиданию сегодняшнего праздника: экипаж споро мчал Роберта Николаевича к храму Благовещения Пресвятой Богородицы

¹ Лента ордена «Святого Андрея Первозванного» – высшего ордена Российской империи.

на восьмой линии Васильевского острова, где ему сегодня предстояло быть посаженным отцом на свадьбе Василия Михайловича Соймонова.

Старый друг, каперанг Михаил Капитонов, без труда уговорил «национального героя» придать дополнительный блеск венчанию своей дочери: Вирен и сам прекрасно помнил того лихого мичмана, что прорвался на миноносце из Порт-Артура, заменив на мостике тяжело раненного Колчака. Помнил и то, как под впечатлением мужества этого юноши лично вручил тому свой Георгиевский крест в Индонезии, при награждении героев прорыва.

Все проблемы и обиды адмирал приказал себе больше сегодня не вспоминать. Он ехал на праздник.

Наконец-то свершилось! Рядом с Василием сидела уже не невеста, а жена.

Мимо пролетели Ростральные колонны, экипажи пронеслись по Дворцовому мосту, копыта лошадей дробно застучали по Невскому, справа проплыл величественный Казанский собор, и бронзовый Кутузов, казалось, благословлял молодоженов. Промелькнул Гостиный Двор, и вот уже экипаж въехал на Аничков мост, и Василий с Ольгой очередной раз поневоле засмотрелись на рвущихся с поводьев коней бессмертного творения Клодта.

Не так уж и далек был путь до Собранин, и Соймонов

внутренне готовился снова быть объектом всеобщего внимания, но уже в самый последний раз. Только бы дожидаться окончания свадебного бала. Только бы все поскорее закончилось!

Хоть Василий уже и с полным правом прижимал к себе свою единственную и любимую, с удовольствием и трепетом ощущая хрупкость и нежность ее тела, но он прекрасно понимал, что придется еще потерпеть: ритуал есть ритуал.

Мимо пролетал летний Петербург, мелькали дома и деревья, прохожие приветливо махали руками свадебной процессии, и вот наконец экипаж остановился перед зданием на углу Литейного и Кировной улицы.

Василий с трудом оторвался от своей невесты и, проворно выскочив на тротуар, помог сойти ей на землю. Коляски подлетали одна за другой, и толпа гостей перед входом в Собрание неудержимо росла. Князев оперативно построил присутствующих офицеров в две шеренги, одна напротив другой, отдал команду, и отточенная сталь вылетела из ножен: клинки парадного оружия образовали арку, через которую предстояло войти в дверь молодоженам. Палаши моряков скрестились с саблями сухопутных офицеров, и вся эта искрящаяся на солнце сталь придавала особенную торжественность моменту.

– Ва-ась! Страшновато как-то под всем этим проходить. – Ольга никогда не была кисейной барышней, но тут слегка взволновалась.

– Не бойсь, жена офицера! – улыбнулся лейтенант. – Пошли!

– Пошли, муженек! – ответила улыбкой и Ольга.

Молодожены вступили под искрящуюся на солнце сталь. За их спиной офицеры расцепляли клинки и с лязгом вбрасывали оружие в ножны.

Искать дорогу к месту празднования не приходилось: чередой ваз с цветами точно вывела супругов Соймоновых к свадебному столу. Накрыт он был достаточно скромно – особой обжираловки и пьянства не планировалось, хотя стояли и бутылки вина, и графинчики, и блюда с закусками.

Волковицкий с Князовым проворно и деликатно рассаживали гостей по местам. Действовали они со сноровкой заправских метрдотелей, и через десять минут все было готово для продолжения праздника.

Капельмейстер взмахнул руками, и оркестр тут же отошел звуками вальса. Ольга закружилась в танце с Виреном, и Василий невольно залюбовался на танцующую пару. Юношеская фигура адмирала двигалась очень легко и непринужденно, а про невесту и говорить нечего, она словно порхала под музыку.

– Какая же она у меня красивая! – молодой супруг не сводил восхищенных глаз со своей любимой. И, естественно, ждал следующего танца, когда уже он сам закружит молодую жену по паркету зала.

Ожидание было недолгим, и Роберт Николаевич под апло-

дисменты гостей подвел невесту к жениху. Соймонов, можно сказать, не слышал музыки, его тело автоматически следовало власти звуков, а глаза не отрываясь смотрели на родное, лукаво улыбающееся лицо.

– Вася! Я тебя тоже люблю, но прекрати так яростно пожирать меня глазами, – хихикнула Ольга, – иначе к концу танца от твоей жены только косточки останутся.

– Ничего, – улыбнулся молодожен, – что-нибудь да останется и вообще: ты мне еще целиком сегодня понадобится.

– Лейтенант! Прекратите ваши намеки! – невеста попыталась изобразить негодование, но ничего не вышло, и оба весело рассмеялись.

После танца молодых гости наконец тоже присоединились к балу и Соймоновы почувствовали себя слегка посвободней.

Неожиданно в зал зашел незнакомый мичман, огляделся и напрямик направился к Вирену.

– Ваше превосходительство! Разрешите обратиться, мичман Васильков. Прошу меня извинить, но вам срочное сообщение.

– Давайте, мичман. И выпейте пока за здоровье молодых, раз уж сюда пожаловали. – Роберт Николаевич понял, что раз уж его нашли здесь, то дело действительно безотлагательное. Прочитав содержимое пакета, он посмурнел и, пошептавшись с Капитоновым, направился к молодоженам.

– Прошу простить меня, Ольга Михайловна, но я должен

вас огорчить и в скором времени лишит общества вашего мужа. К глубокому моему сожалению, война продолжается. Василий Михайлович, я отбываю во Владивосток завтра, а вам, учитывая обстоятельства, даю еще три дня. Прошу извинить, господа, но мне срочно нужно покинуть бал. Честь имею!

Когда адмирал вышел, Василий потерянно посмотрел на супругу:

– Вот так вот, Олюшка, только три дня...

– Нет, не три! Я поеду с тобой. Я больше не собираюсь тревожиться за тебя за тысячи верст. Я буду рядом.

– Но ведь у тебя учеба, дохтурша ты моя, – попытался пошутить Соймонов.

– Подождет учеба. А фельдшером я и так уже имею право работать. Может, даже и лучше будет – практику получу реальную.

Подошли родители Ольги. Было понятно, что они уже оба в курсе событий.

– Мама! Я еду с Васей на Тихий океан. Я так решила!

– Разумеется, – спокойно ответила Ирина Сергеевна. – Будь рядом со своим мужем.

И Василий, и каперанг, и сама Ольга посмотрели на нее с легким обалдением.

– Ну, мать, не ожидал! – пробормотал Михаил Николаевич.

– Чего не ожидал-то? – с недоумением посмотрела жена

на Капитонова. – Ты всерьез думал, что я враг своей дочери? Да, я некоторое время была против этого брака, извините, Василий, но совсем не потому, что у меня была какая-то неприязнь к нынешнему зятю. Я беспокоилась о будущем Оли. Теперь я уверена, что у нее хороший, любящий и надежный муж. И пусть они будут вместе или хотя бы как можно ближе друг к другу. По себе помню, как тебя лейтенантом в Либаву загнали, а я в Петербурге одна была. Так то Либава... Пусть едет Ольга во Владивосток, раз сама так решила.

– Мамочка! Милая! – невеста немедленно повисла на шее матери. – Спасибо тебе, родная!

– Угомонись, люди смотрят. – У Ирины Сергеевны тоже повлажнели глаза, и, хотя это было вполне естественным явлением в такой день, она слегка стеснялась показывать чувства на людях.

– И вообще, гостям расходиться пора, – слегка взволнованным голосом продолжил Капитонов, – прощайтесь и отправляйтесь к себе. Ждем вас завтра к обеду.

Глава 2

– Самый страшный вид дурака, это дурак в короне! – Сергей Юльевич Витте, конечно, не озвучил эту мысль, хотя именно она возникла в первую очередь после прочтения телеграммы от Императора Всероссийского. – Ну, неужели так трудно понять, что мало победить – нужно еще суметь воспользоваться результатами победы?

Мирные переговоры в нейтральной Италии шли уже вторую неделю, и Витте изнемогал не столько от непреклонности японской делегации, удивленной (это еще мягко сказано) требованиями русской стороны, сколько от совершенно неоправданных амбиций своего монарха. Николай Александрович, которому победа при Цусиме и последующие крейсерские операции Тихоокеанского флота вскружили голову сверх всякой меры, просто внаглую выставлял такие требования к Японии, что любой народ, любая страна, имевшие хоть частицу самоуважения, признали бы их неприемлемыми. А уж про то, что на это согласятся гордые японцы, рассчитывать было просто глупо.

Да, победа русской эскадры в Цусимском проливе² переломил ход войны, можно было заключать мир на достаточно выгодных условиях, пойдя на ряд взаимных уступок и обме-

² См. роман «Броненосцы победы. Топи их всех!»

няв, например, разрешение на японский протекторат в Корее на права японцев на Сахалине и еще недавно переданные Россией Японии восемнадцать островов Курильской гряды. Но нет!

Эйфория и мнение придворной камарильи заставили царя занять совершенно непреклонную позицию: «Все, что было нашим – остается нашим», да еще и контрибуция, требования отказаться от экономического присутствия на Сахалине и в Корее, отдать все Курильские острова, безусловное признание прав России в Корее и северном Китае, Шпицбергене и Иране, разрешение российским компаниям беспощадной торговли в самой Японии и, наконец, жесткие ограничения на состав японского флота...

Да, заставить пойти на такие условия можно даже сильную страну. Примерно так и поступили с Россией полвека назад, в тысяча восемьсот пятьдесят четвертом, англичане с французами, воспользовавшись предательством союзников-австрийцев, хотя русская армия была все еще очень сильна и проиграла только, в общем-то, одно-единственное локальное сражение под Севастополем. И еще через двадцать с лишним лет «честный маклер» Бисмарк лишил Россию всех плодов ее победы над Турцией. Однако сейчас изнемогающие от войны японцы все еще чувствовали почти открытую поддержку со стороны Великобритании и Североамериканских Соединенных Штатов и еще надеялись, несмотря на начавшиеся уже голодные бунты, имея преиму-

щество в занятых территориях на суше и в скоростных кораблях на море, добиться куда лучших для себя условий мирного соглашения.

Николай Второй этого понимать не хотел, да и «кузен Вилли» из Берлина подзуживал русского царя не уступать. И тот не уступал. Несмотря на пренастырные просьбы министра иностранных дел, графа Ламсдорфа, несмотря на доклады министра дел внутренних о разгоравшейся в Империи революции, ничего не могло сдвинуть Самодержца Всероссийского с его «единственно правильной» точки зрения. Точки зрения «хозяина скотского хутора». «Скот мог мычать сколько угодно», но принимать решения мог только «хозяин».

Японцы, естественно, не преминули оповестить прессу о требованиях «русского медведя», и газеты всего мира отзывались о русских претензиях, мягко говоря, нелицеприятно. Даже журналисты сверхдоброжелательной к России Франции выражали недоумение в своих статьях.

Россия упорно не хотела мира. И, наконец, после очередной телеграммы из Токио японская делегация прервала переговоры и отбыла на родину. Перемирие завершилось.

И снова загрохотали цепи боевых кораблей обоих флотов, выбирая якоря – война продолжалась.

Глава 3

Это Василию хватило пары минут, чтобы обменяться рукопожатиями с офицерами и чмокнуть в щеку Капитолину Анатольевну. Пока же Ольга перецеловалась со всеми подружками и дамами, пока к ее ручке успели приложиться офицеры – ушло еще четверть часа.

Но вот наконец они вдвоем заскочили в коляску, и пара коней понесла их к снятым Соймоновым на неделю апартаментам.

– Олюшка, милая, ну неужели все?! Неужели мы теперь только вдвоем и ты совсем-совсем моя? Не верится! – Василий, не сдержавшись, начал целоваться «по-серьезному».

– Да подожди ты! – Ольга постаралась ласково, но твердо держать в рамках приличий слегка захмелевшего жениха. – Потерпи ты несколько минут! Ай! Васька! Угомонись, дурак!

Лейтенант отпустил свою молодую жену и весело рассмеялся от счастья – даже слово «дурак» прозвучало и было воспринято не как оскорбление, а как знак того, что условности позади и что они теперь стали на самом деле родными людьми.

Держась за руки, молодожены взлетели на второй этаж, и ключи от их первой совместной квартиры долго не хотели попадать в замок. Наконец эта «твердыня» пала, и Соймо-

нов, подхватив свою супругу на руки, счастливо закружился по комнате.

– Офицер! Немедленно поставьте девушку на место! – весело «капризничала» невеста. – Что за манеры, лейтенант?!

– За просто так – не поставлю! Выкуп!

– Какой кошмар! Я вышла замуж за стяжателя и шантажиста!

– Можешь не сомневаться. Так что с выкупом?

– А если я скажу нет? А потом посмотрю, как мой грозный муж и повелитель будет держать меня на весу несколько часов. – В глазах Ольги сверкали лукавые искорки.

– Не дожدهшься! У нас, опытных соблазнительей, на такие случаи предусмотрены секретные приемы. В виде роскошной кровати, например!

– Ох уж эти моряки! Придется сдаваться... – девушка крепко обняла Соймонова и подарила ему такой поцелуй... Руки разжались, и молодожены продолжали целоваться, уже оба крепко стоя на паркете.

Хозяин апартаментов был прекрасно осведомлен, для какой цели они снимаются. На столе и в углах спальни стояли вазы с цветами. Бутылка шампанского ждала своего часа в ведерке со льдом, рядом – блюда со свежей клубникой и поднос с бисквитами... Но разве это сейчас волновало молодоженов?

– Так, спокойно! – Ольга, как и большинство женщин, не собиралась терять голову даже в такой ситуации. – Совер-

шенно нет необходимости срывать с меня одежду и портить застёжки. Ну, твоя я, Вась, твоя. Перед Богом и людьми. До последней моей клеточки. Успокойся. Я сейчас...

И девушка упорхнула...

Когда долго чего-то добиваешься, стараешься, мечтаешь об этом и наконец получаешь – приходит какое-то опустошение, и достигнутая цель уже не приносит ощущения счастья. Наверное, многие испытали подобное в своей жизни.

А все оттого, что не то выбрано целью. Обычно возникает от перепутывания стоящей цели и средств ее достижения. Люди, помните – деньги, власть, карьера – это только средства!

Но как здорово, что соединение с любимым человеком является исключением из этого правила! – Василий проснулся самым счастливым мужчиной на планете. Во всяком случае он считал именно так. Рядом была она – самая любимая и родная, самая красивая и нежная. Молодой муж ласково прижался к теплому и податливому телу супруги, обнял, поцеловал покатое плечико...

– Васенька, я еще сплю, – промурлыкала Ольга, – еще полчаса.

– Спи, родная, спи, – но руки уже проснувшегося Василия спать совсем не хотели. Как и следовало ожидать, далее последовало торжество молодой плоти над сознанием... Спать больше не пришлось.

Через те самые «полчасика» несостоявшегося сна оба пришли к согласию, что пора бы уже и влиться в течение наступившего дня и потихоньку собираться с первым визитом к родителям Ольги.

Позавтракали кофе с пирожками, которые отменно выпекались в данном заведении, и спустились вниз.

Василий перед уходом заглянул к хозяину:

– К сожалению, мы не сможем воспользоваться вашим гостеприимством всю неделю, на которую я заказывал квартиру, – вынужден отбыть на Дальний Восток через три, нет, уже через два дня. Так что можете иметь планы на наши апартаменты по истечении этого срока.

– Да, я уже читал о возобновлении военных действий, – хозяин сочувственно кивнул, – к сожалению, война продолжается. Погодите, господин лейтенант...

Домовладелец покопался в комодке и протянул Василию несколько ассигнаций.

– Я не просил денег назад, – удивился тот.

– Я, конечно, предприниматель, но наживаться за счет тех, кто воюет за Россию, не собираюсь. К тому же у меня у самого сын в Маньчжурии. Прапорщик. Берите, господин лейтенант, и храни вас Бог!

– Ну, мы же пока не прощаемся, – улыбнулся Соймонов, принимая деньги, – двое суток мы еще будем вашими гостями.

– Жаль, что не дольше. Мой поклон вашей юной супруге.

– Благодарю. Всего доброго!

Ольга ждала мужа у подъезда, и Василий очередной раз с гордостью и восхищением посмотрел на жену. Какая она у меня... ладная, стройная, грациозная, даже стоит на месте с умопомрачительной грацией. Господи! Какая красавица!

Конечно, девушка не была сногшибательной красоткой, но она в самом деле чрезвычайно притягательна. Действительно стройная, именно ладная, большеглазое лицо чем-то напоминало милую лисичку и Василию казалось, что никогда он не сможет «досыта» насмотреться на свою любимую.

Извозчик нашелся достаточно быстро, и молодые супруги через несколько минут уже катили на Васильевский. С первым в своей жизни визитом.

– Оля, – несмело спросил Василий жену, – а ты не погорячилась, когда сказала, что поедешь со мной во Владивосток?

– Что, уже надоела семейная жизнь? – попыталась пошутить Ольга, но тут же поняла, что юморить сейчас будет не очень уместно. – Поеду, Вась, конечно поеду. Обождет учеба.

– Спасибо тебе, родная! Я ведь уже сразу после венчания стал думать о том, что через неделю расставаться придется. А адмирал потом так совсем меня огорошил с этими тремя днями. Я для тебя найду лучшую квартиру в городе, честное слово.

– Не буду убеждать тебя, что с милым рай и в шалаше, – улыбнулась молодая Соймонова, – действительно хотелось

бы там иметь приличное жилье, но насчет «лучшей квартиры» пока не слишком-то рассчитывай – будь реалистом.

Пока поднимались по лестнице подъезда к квартире Капитоновых, Василий не удержался и снова попытался задержаться на «поцелуйную паузу». Однако на этот раз все его поползновения были категорически пресечены аргументами в виде платья и шляпки, которые могли помяться.

Алена, открывшая двери, учтиво поздоровалась и пропустила молодую пару в прихожую, где их уже ждали Михаил Николаевич с женой.

Василий церемонно преподнес теще букет желтых роз и приложился к ее ручке. Ирина Сергеевна, отбросив всякую официальность, обняла зятя и трижды чмокнула в щеки, после чего, пока мужчины обменивались рукопожатиями, на ней «повисла» дочь.

– Так, давайте к столу, – каперанг изныл в ожидании гостей и предвкушении парадного обеда, – я, понимаете ли, уже полтора часа вокруг стола хожу, как кот возле сметаны. Алена, приготовься подавать!

Тестю Василия действительно давно уже хотелось выпить-закусить, но супруга непреклонно боролась за то, чтобы дочь и зять были хотя бы встречены в совершенно трезвом виде. И несмотря на то что Ирина Сергеевна за всю свою жизнь не видела мужа сильно пьяным, в данной ситуации ей хотелось соблюсти приличия максимально.

– Да идем уже, идем, обжора, – это слово в адрес каперанга

окончательно убедило Соймонова, что теща приняла его в члены семьи не только формально, но и в душе.

Хозяйка действительно расстаралась на славу. Посмотрев на сервировку стола, Василий прекрасно понял нетерпение главы семьи и всерьез посочувствовал тестю, который так долго мог наблюдать все это кулинарное великолепие, чувствовать запах, но не сметь притронуться. Нет, никаких особо экзотических блюд на столе не было, но даже обычная селедка, буженина, соленья и прочее выглядели так аппетитно, пахли так умопомрачительно, что рот лейтенанта стал немедленно наполняться слюной, хотя, перешагивая порог квартиры Капитоновых, Василий себя особенно голодным не чувствовал.

Михаил Николаевич проворно разлил по рюмкам «хлебное вино» от Смирнова, а его зять тем временем наполнил бургундским бокалы женщин.

– Ну что, доченька, – наконец поднялся над столом хозяин дома с рюмкой в руках, – поздравляю тебя! И тебя, Василий, тоже! Между вами стояли японские броненосцы, но вы все-таки соединились. За вашу любовь, за вашу семью! За ваше здоровье и наших с Ириной будущих внуков!

Дружно выпили, и Соймонов потянулся к нежно-розовым ломтям ростбифа.

– Оставь, Василий, – тут же вмешался тесть. – Селедочку попробуй – северный залом, королева всех селедок, ничто с такой закуской не сравнится, поверь старому выпивохе. Ее в

Питере только в парочке мест раздобыть можно, и эти места знать надо. Бес ее знает, что она там ест в этом Ледовитом океане, но ничего вкуснее к водке я не знаю. Да и не только к водке. Рекомендую – испробуй.

Ну, как можно описать вкус... Только очень приблизительно, по каким-то аналогиям, не более. Северный залом был действительно восхитителен, Василий, как говорится, чуть язык не проглотил. А тут еще и Алена принесла горячие закуски, среди которых прямой были, как ни странно, яйца. Но не просто яйца. Ирина Сергеевна была мастерицей по кулинарной части и любила удивлять своих гостей. Это были яйца-кокот. Аккуратно запеченные всмятку в кокотнице, с пюре из жареных шампиньонов и сыром пармезан сверху.

Под такую закуску, требующую мгновенного употребления, Капитонов немедленно разлил еще по рюмочке. Тут даже его супруга, ревниво следившая за каперангом, не посмела возражать и даже подставила свою рюмку.

Некоторое время разговаривать просто не могли. Вакханалия вкуса продолжалась. Ну и венцом обеда была стерлядь, тушенная в белом вине.

Но бесконечно наслаждаться нельзя ничем. Наступила вполне естественная пауза, когда требовался некоторый перерыв, если это, конечно именно званый обед, а не банальная пьянка.

– А пойдем-ка мы с тобой, Василий, в мой кабинет, выпьем коньячку, выкурим по сигаре, побеседуем. – Капитонов

поднялся из-за стола.

– С удовольствием, Михаил Николаевич, только я не ку-рю.

– Вот и ладно, совсем не обязательно. Пойдем.

– Идите-идите, мы пока с Олей обсудим, что ей с собой во Владивосток взять надо, – с готовностью спровадила мужчин хозяйка дома. – А Алена кофе приготовит.

Кабинет Капитонова ничем не указывал на то, что его хо-зяин моряк: стеллажи с книгами, письменный стол, кресла – никакой морской атрибутики не наблюдалось.

– Василий, – начал Михаил Николаевич, пригубив конья-ку, – ты, наверное, знаешь, что у нас, кроме Ольги, есть еще одна дочь.

– Разумеется. Мы даже немного знакомы с Раисой Михай-ловной. Я удивлен, что ее не было на свадьбе. Но, наверное, были причины...

– Были, конечно. Во всяком случае, она так пишет. Но это не важно. Понимаешь... Не знаю, как это получилось, но она всегда с восхищением относилась к «просвещенным европейцам» и с пренебрежением ко всему русскому. И за-муж вышла за немца... Морского офицера, правда, но все равно... Внук у меня теперь... Отто. Понимаешь?

– Не совсем, Михаил Николаевич. – Соймонов видел, что тесть слегка подшофе, но совершенно искренне не мог его понять, хоть и старался.

– Сейчас объясню. Видишь эту шпагу? – показал Капитонов на стену.

На стене действительно висело золоченое, явно наградное офицерское оружие чуть ли не позапрошлого века.

– Знаешь, Василий, я ведь первый моряк в роду Капитоновых, но далеко не первый военный. Только мой отец, Николай Степанович, был преподавателем истории в гимназии. Все остальные предки служили России с оружием в руках. Это шпага моего пращура Афанасия Ивановича Капитонова. Премьер-майора Фанагорийского гренадерского, батюшки Александра Васильевича, полка. За штурм Измаила пожалована. В нашем роду всегда старшему сыну передавалась. Понял теперь?

– Извините, но... – лейтенант слегка замялся.

– Бери! Нет у нас сыновей и не будет. Своему передашь. Не отдам я эту шпагу «немцу». Пусть он и старший мой внук. Не отдам! Не оценит и не сбережет. Владей и храни! – У сурового морского волка повлажнели глаза. – На!

Василий с благоговением принял шпагу, взялся за раззолоченный и покрытый голубой и белой финифтью эфес, осторожно выдвинул оружие, посмотрел на украшенный клинок, полностью вытащил его из ножен и приложился к стали губами.

– Можете не сомневаться, Михаил Николаевич, мой сын с честью будет владеть этой шпагой. Обещаю! И благодарю за доверие.

– Вот и молодец! Пошли уже к нашим женщинам.

Ирина Сергеевна, увидев Соймонова с семейной реликвией в руках, понимающе, с одобрением кивнула мужу. И продолжила выполнять роль хозяйки дома.

– Прошу на места, пока кофе не остыл, сейчас Алена пирожные принесет. Василий, тебе со сливками?

– С ромом! – поспешил встрять в разговор Капитонов. – Моряк все-таки у тебя зять, а ты ему сливки предлагаешь.

– Благодарю, Ирина Сергеевна, – вежливо улыбнулся лейтенант, – я предпочитаю черный.

– Ликер? – предложил тесть.

– Вот ликеры совершенно не признаю. С вашего позволения еще коньяку.

– Правильно! Молодец! Ликеры – дамам.

– Вась, ты коньяком-то не увлекайся, – встряла Ольга, – нам еще к Капитолине Анатольевне сегодня.

– Оленька, я разве пьян хоть чуть-чуть? – удивился Василий.

– Пока нет, но на улице-то жарко.

Мужчины переглянулись и засмеялись.

– Доча, ты не знаешь, что такое по-настоящему «жарко». Жарко, это когда в тропиках копаешься в трюме. А на улице – слегка тепловато. Комфортно и приятно. Успокойся, будет твой муж трезв и бодр. Особенно после нашего кофе с материнскими пирожными.

Визит плавно катился к завершению, и вскоре чета Сой-

моновых простилась с родителями Ольги.

– Не беспокойся, доченька, все вещи я пришлю к вам завтра, – пообещала Ирина Сергеевна на прощанье.

Глава 4

Чай в стоящем на столе стакане слегка колебался из-за покачивания вагона и был чуть теплым – другой пока не разрешили врачи. За окном уже начались бесконечные сибирские леса, но контр-адмирал Вирен снова и снова возвращался мыслями «под шпиц» – в здание Адмиралтейства, от командовавших в котором людей судьба российского флота зависела куда сильнее, чем даже от прошедшего морского сражения.

– ...Роберт Николаевич, мы изучили и подробно обсудили ваш с адмиралом Рожественским доклад. – Председательствующий на совместном заседании Главного морского штаба и Адмиралтейств-совета генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович не часто баловал вверенное ему ведомство своим пристальным вниманием, но, безусловно, умел придать солидность любому мероприятию со своим участием. – Вы проделали огромную работу. Познакомившийся с докладом Государь даже лично уполномочил меня передать вам и Зиновию Петровичу свое высочайшее удовольствие. Однако в целом соглашаясь с вашими выводами, в отдельных вопросах мы все же имеем несколько другое мнение. Прошу вас, Федор Карлович, вам слово.

– Главный морской штаб и Адмиралтейств-совет согласны, что ремонтных мощностей владивостокского порта со-

вершенно недостаточно для ремонта эскадры в разумные сроки, и мы будем всячески содействовать вам в наращивании этих мощностей, — начал свою речь фактический здешний начальник управляющий Морским министерством адмирал Авелан. — В частности, в течение месяца во Владивосток будет отправлено несколько сот квалифицированных рабочих, десятки единиц пневмоинструмента, новая электростанция и около десяти тысяч пудов сортового металла. Однако мы совершенно не согласны с предложением использовать механизмы и вооружение броненосца «Слава» для скорейшего ввода в строй однотипных броненосцев во Владивостоке. Броненосец еще не полностью готов по вспомогательным системам, но он уже начал проходить испытания и через пару месяцев уже сможет прибыть во Владивосток. Если же мы начнем его сейчас разукomплектовывать, то он сможет выйти на Дальний Восток не раньше середины осени. Находящиеся же во Владивостоке броненосцы типа «Бородино» сильно повреждены и, за исключением «Орла», как вы верно заметили в своем докладе, в любом случае начнут вступать в строй не ранее конца августа. В этом плане изменить ситуацию к лучшему способно именно скорейшее прибытие на Дальний Восток Третьей эскадры — балтийские судоремонтные заводы куда мощнее владивостокских мастерских и вполне смогут подготовить в сжатые сроки достаточно сильный отряд. Далее, по артиллерии — заводы, изготавливающие стволы и снаряды, уже месяц как переведены на

двухсменный режим и работают, таким образом, круглосуточно, хотя это обошлось не без сложностей. Также часть снарядов и орудий системы Канэ заказаны у частных компаний во Франции. Однако не стоит ждать в ближайшее время радикального решения проблем с нехваткой пушек и особенно снарядов. Поэтому вооружать корабли вам предлагается по мере вступления в строй. Ориентировочно недостающие орудия мы сможем поставить к августу, а заменить расстрелянные – к октябрю. Что же касается снабжения углем...

«И как в таких условиях воевать? – Вирен незаметно для себя перескочил с воспоминаний на собственные мысли. – Вроде уже и не в осажденной крепости сидим, а все равно ничего не хватает! Как там он сказал: „сможем заменить расстрелянные пушки к октябрю“? Так на артурских кораблях пушки теперь чаще всего расстреляны так, что нарезы только угадываются и пользоваться ими практически бесполезно. Когда еще с Балтики придет та Третья эскадра? А ее еще и встречать придется! Ладно, наше дело – выполнять приказы, даже если они, как в этот раз, прямо на свадебном пиру приходят. Но как именно выполнять, надо бы хорошо подумать...»

Глава 5

Даже самый экзотический пейзаж за окном поезда начнет надоедать очень быстро, будь то горы, будь то джунгли, будь то море, горы и джунгли, сменяющие друг друга. А уж если это поля и леса, через которые в основном пролегла Транссибирская магистраль, а после Волги степи, тайга и болота, то к началу второй недели пути смотреть в окно совершенно не приходило в голову. «Развлечением» могли быть только мосты через реки и тоннели. Василий с женой вполне конкретно маялись от скуки. Уже и наболтались друг с другом и о серьезном, и просто так, читать под стук колес даже очень интересные книги также изрядно поднадоело, «променад» по коридору вагона тоже развлекал не очень. В общем – тоска зеленая.

Даже радости всесокрушающей и торжествующей юности в отдельном купе потихоньку становились не столь эмоциональными. Хотя, конечно, взрывы эмоций периодически случались:

– Оленька, какая ты у меня все-таки трогательная женщина!

– И чего это во мне трогательного? Я похожа на кисейную барышню?

– Да Боже упаси! Ты натуральная амазонка. Вот только тебя все время хочется ТРОГАТЬ. За все места! Чем я и со-

бираюсь заняться.

– Руки прочь! Ай! Лейтенант, я пожалуйюсь вашему начальнику!...

Дальнейший сюжет фантазия читателя дорисует сама...

Но вряд ли кто попробует утверждать, что только таким образом можно коротать время на протяжении трех недель.

Редким развлечением были сколь-нибудь длительные остановки, когда можно было выйти из вагона и прогуляться по перрону или даже в окрестностях вокзала.

Нет, самих остановок после Урала было предостаточно, даже значительно больше, чем хотелось бы: чуть ли не каждые пятьдесят верст поезд останавливался на час-другой на какой-нибудь заштатной станции или разъезде. Но, согласитесь, что это не те места, где можно развлечься в долгом пути. Отдыхом можно было назвать только стоянку в сколько-нибудь крупном населенном пункте, где на вокзале имелся хотя бы буфет, а перрон не представлял из себя просто участка утопанной земли.

Кстати, именно в такой ситуации, в Иркутске, у Василия появился повод задуматься над проблемами, которые его ожидали на службе.

– Ну конечно, господам офицерам за эту войну крестов понавешают. И георгиевских, и всяких. А нам и деревянных может не достаться. Похоронят в одной общей яме после боя какого-нибудь... – лейтенант совершенно случайно услышал разговор двух мобилизованных солдат, отправлявшихся, ве-

роятно, в Маньчжурию и не заметивших находившегося рядом офицера.

— Ну да. Им-то зачем о мире договариваться — их, господ, война кормит, а меня от семьи, от хозяйства оторвали, чтобы в китайской земле непонятно за что зарыть...

Василий не стал ни одергивать «политиканствующих» солдат, ни дослушивать их разговора. По пути к вагону он вдруг подумал о том, что должны чувствовать его матросы, которые прошли через войну, через ад Цусимского пролива, ждущие мира и зачастую предвкушающие свое возвращение в родную деревеньку... А тут снова воевать. Потому что «господа не договорились». Ведь даже он, офицер, был уверен, что мирные переговоры закончатся именно миром. Ан нет! И теперь большинство матросов, если не все они, будут чувствовать себя обманутыми. Будут! А ведь их нужно как-то заставить воевать, воевать не хуже, чем раньше.

Вернувшись в купе, лейтенант поделился тревогами с женой, и реакция Ольги была совершенно неожиданной для молодого офицера:

— А чего ты ожидал, Вася? Ты совершенно напрасно ждешь от меня осуждения этих солдат или твоих матросов — я их прекрасно понимаю и разделяю недовольство тех, кто должен рисковать своей жизнью в этой войне. Не обижайся, мой родной, но я женщина. И для меня твоя жизнь значительно дороже, чем Корея и Китай, вместе взятые.

— Но подожди! Ведь честь России...

– Нет, это ты подожди. Не перебивай меня. Я все понимаю – ты офицер. Герой. Мне очень приятно идти рядом с тобой и видеть, как люди с восхищением смотрят на твои ордена. Ты служишь благородному делу – защищаешь Родину. Я горжусь тобой, Васенька, но ты бы знал, как мне страшно, когда вдруг приходит мысль, что ты можешь не вернуться с моря в этой войне. А я ведь дочь офицера. И жена офицера. И совсем неглупая девочка. Я понимаю, что ваша профессия – воевать за Россию, когда это потребуется. А матери и жены солдат и матросов – они что думают об этой войне, по-твоему? Ведь не Наполеон же топчет русскую землю, правильно? Где-то на краю света «господа» что-то не поделили. И из-за этого русские женщины будут терять навсегда своих самых близких мужчин? Мужей, отцов и сыновей?

– Эх, Олечка, – Василий приобнял явно разволновавшуюся от своей речи девушку, – я, бывало, тоже так раньше думал. Но мы, мужчины, на то и мужчины, чтобы встречать врага еще там, где он не может до вас, женщин и детей, дотянуться. Вот недобили Наполеона в италиях и австриях, так пришлось его в Москве встречать. Мы же не где-нибудь в Южной Африке или Америке сражаемся. И если японцы, как они утверждают, собрались строить Великую Азиатскую Империю вплоть до Уральских гор, то лучше уж встретить их где-нибудь в Китае, чем во Владивостоке, Иркутске, а то и, не дай Бог, Москве...

Но, кажется, жену Василий не убедил. Снова потащились

нудные дни пути. Поезд по-прежнему шел «спотыкающимся аллюром»: час ехал – два стоял. Но все когда-нибудь заканчивается, сначала замелькали горы, потом открылся Байкал и, так как Кругобайкальская железнодорожная ветка уже была закончена, пересекать озеро на одноименном с ним пароме не пришлось. Проведя в пути почти месяц, Василий с Ольгой наконец ступили на перрон Владивостокского вокзала.

Встречавший друга мичман Денисов обменялся энергичным рукопожатием с Соймоновым, после чего, представившись, преподнес Ольге букет цветов и церемонно приложился к ее ручке.

– Насчет квартиры не беспокойтесь – все сделал в лучшем виде: и от порта недалеко, и район приличный, и цена не особо высокая, – поспешил ответить на еще не заданный вопрос ревизор «Пересвета», прекрасно понимая, что в первую очередь волнует его друга.

– Спасибо тебе огромное, Володя, я твой должник!

– Ладно тебе, ты бы для меня сделал то же самое, ведь так?

– Разумеется, но все же...

– Да перестань! – Денисов вдруг лукаво посмотрел на лейтенанта. – А ты больше ничего интересного вокруг не заметил?

– Рад приветствовать тебя, Василий Михайлович! – подошел к молодым людям улыбающийся капитан второго ранга с черной повязкой на левом глазу.

– Александр Васильевич! – задохнулся от неожиданности Соймонов. – Вы живы!

Василий со всей юношеской непосредственностью обнял любимого командира, раскрывшего объятия.

– Ай! – скривился Колчак. – Василий! Тебя не устраивает, что я жив? Хочешь доделать то, что не смогли японцы?

– О Господи! – испугался лейтенант. – Извините ради Бога! Совсем забыл... Вернее, не подумал... Вернее...

– Да хватит уже, – усмехнулся кавторанг, потирая левое плечо, – понятно, что не хотел. И, честно говоря, несмотря на боль, даже приятно, что не забыл меня и не загордился.

– О чем вы говорите, Александр Васильевич?! – попытался обидеться Соймонов...

– Может, в конце концов представишь меня своей супруге?

– Ох! Простите, пожалуйста! Моя жена, Ольга Михайловна. А это Александр Васильевич Колчак – мой первый командир. Помнишь, Оленька, я тебе писал, рассказывал о нем...

– Очень приятно, – протянула руку Ольга, – Василий действительно рассказывал о вас очень много хорошего.

– Александр Васильевич, – вмешался в разговор Денисов, – разрешите я пока распоряжусь насчет багажа? А вы пока побеседуете...

– Разумеется, – кивнул Колчак.

– Спасибо, Володя. Буду очень благодарен, – поддержал

Соймонов. – Действительно... Ну, сам понимаешь...

– Да все понимаю, не беспокойся, – улыбнулся мичман и пошел к багажному вагону.

– Сударыня, – слегка поклонился Колчак, – очень рад знакомству с вами. Василий никогда не рассказывал, что у него есть такая очаровательная невеста. А то, что вы решились последовать за мужем на войну... Примите мое восхищение не только вашей красотой, но и мужеством. Черт!.. Ой! Извините моряка за чертыханье, но «мужество» по отношению к вам... Не найду подходящего слова...

– Оставьте, я прекрасно поняла, что вы хотели сказать. Мне очень приятно было это услышать. Благодарю вас. – Ольга слегка покраснела от комплиментов, ей было действительно приятно, но хотелось все-таки сменить тему.

– Александр Васильевич, – весьма кстати встрял в разговор Соймонов, – а вы-то как здесь оказались? Я очень рад вас видеть, но не могу понять как, будучи интернированным, вы смогли попасть во Владивосток.

– Да все просто и банально – дал подписку о неучастии в войне и во время перемирия на нейтральном пароходе – сюда. Увы, послезавтра уезжаю на Черное море. В штаб. Должности на судах для меня теперь... Ну, сам понимаешь – не пиратским же бригом мне теперь командовать с одним-то глазом.

– Думаю, что любой командир броненосца был бы рад получить такого старшего офицера, как вы.

– Увы. Начальство решило по-другому. Да и подписка эта... У меня есть только одно слово. И я его дал. Освобожу от обязанностей хоть одного офицера-черноморца, среди них, после вашей победы, немало желающих поучаствовать в войне, – немного грустно улыбнулся бывший командир Василия.

Повисло неловкое молчание, которое почти сразу нарушил вернувшийся Денисов.

– Все готово, багаж грузится, пока дойдем до извозчика, уже можно будет ехать.

– Ну что же, – Колчак козырнул Ольге и протянул руку Соймонову, – очень рад был познакомиться с вами, сударыня, и увидеть тебя, Василий Михайлович. Удачи тебе в войне. Да минуют тебя вражеские снаряды! Даст Бог, еще свидимся.

– До свидания, Александр Васильевич, – с чувством пожал протянутую руку лейтенант и улыбнулся. – А свидимся обязательно, я, как оказалось, везучий.

– А ну-ка сплюнь быстро, – сердито шлепнула Ольга мужа по плечу, – нашел время хвастаться!

Василий не посмел послушаться супругу и немедленно сымитировал плевки через левое плечо.

Простившись с кавторангом, молодежь отправилась к экипажу. Багаж весь поместился в отведенном ему месте, не пришлось даже ничего брать с собой на сиденья.

– Здесь совсем недалеко, если бы не багаж – минут за пят-

надцать бы дошли, – мичман, пожалуй, даже слегка рисовался перед Ольгой, разыгрывая роль местного «белого охотника», но это было вполне понятно и простительно для все-таки еще очень молодого человека.

Василий слегка усмехнулся в реденькие усы и не стал мешать другу производить впечатление на свою жену.

Пока коляску трясло по дороге, Соймонову вдруг пришла в голову мысль о том, сколько счастья... Да-да, именно счастья принесла ему эта война. Василий просто внутренне ужаснулся своим мыслям о том, что война может приносить счастье хоть какому-нибудь честному человеку. Но факты были наотмашь: не будь тяжело ранен в том бою под Артуром Колчак – не видать Василию ни Георгиевского креста, ни лейтенантских эполет, ни свадьбы с Ольгой (во всяком случае в обозримом будущем). Не погибни Дмитриев в бою, и не было бы должности старшего офицера...

Черт! Ведь он не хотел карабкаться к своему счастью по чужим костям! Ведь само так вышло! Просто честно выполнял свой долг. Ведь разве думал о карьере, когда заменил на мостике тяжело раненного командира? – Нет и еще раз нет! Неужели в бою можно думать о том, чем тебя за это наградят? И ведь не думалось!

Василий окончательно запутался в своих мыслях. Вероятно, это отразилось и на его лице, потому что Ольга вдруг окликнула мужа:

– Василий Михайлович! Вернитесь к нам! Что за черные

думы вас посетили?

– Ой! Простите – задумался, – очнулся лейтенант и виновато посмотрел на жену и друга.

– Такое впечатление, что задумался ты о геенне огненной, – не преминул поддеть Денисов.

– О войне, Володь, – не принял шутливого тона Соймонов.

– Ах, в этом смысле... – Денисов тоже стал серьезным. – Война, Василий, – наша профессия. И о ней, по моему глубокому убеждению, нужно говорить на службе. А иначе мы с тобой с ума свихнемся. Я сейчас не на броненосце, а в обществе друга и очаровательной женщины. И говорю о том, что мне приятно и интересно. Мы с тобой обязаны думать о победе над врагом, и это правильно. И, смею тебя уверить, в бою или перед боем все мои мысли только об этом...

– Я тоже согласна с Владимиром Сергеевичем, – вступила в разговор Ольга. – Вам, конечно, мнение женщины не особенно ценно, но в самом деле служба службой, а вне ее нужно быть просто человеком, с простыми человеческими желаниями и проблемами.

– А я что, возражаю? – Василий почувствовал себя противопоставленным любимой и другу. – Черт побери! Вы мне дали хоть слово вставить? Я...

– Приехали! – оборвал лейтенанта Денисов. – Потом доспорим. А сейчас выгружаемся и устраиваемся на месте.

Квартирка была в самом деле неплоха: две уютные меблированные комнатки на первом этаже двухэтажного дома и остальные помещения по стандарту – прихожая, ванная, уборная, кухня. Конечно, ее нельзя было сравнить с квартирой Капитоновых на Васильевском, но молодым супругам было достаточно и этого, тем более что Соймонову предстояло почти безвылазно находиться на корабле, а пока еще Ольга сумеет нанять прислугу. В одиночку управляться с уборкой обширных апартаментов, готовкой, покупками и прочим молодой женщине явно было бы не под силу. Тем более планировалась еще и работа в госпитале.

Хозяйка дома, Антонина Федотовна, миловидная сорокалетняя дама, весьма радушно приняла новых жильцов. Тем более что это радушие было «подогрето» оплатой за три месяца вперед.

Соседями, которые не преминули заглянуть познакомиться, когда новоселы хлопотали, устраиваясь в квартире, оказалась семья штабс-капитана Гусева из крепостной артиллерии: миниатюрная брюнетка Александра Игоревна с пятилетним сыном Сережей. Сам глава семьи был на службе. Появление соседей было для Гусевой приятной неожиданностью, и женщина любезно предложила вновь прибывшим свою помощь в обустройстве на новом месте.

Как бы разумно и уютно ни была расположена мебель в квартире, заселяющаяся в нее женщина всегда найдет несообразности и немедленно начнет эту самую мебель перестав-

лять по-своему. А когда рядом есть еще одна представительница прекрасного пола, с которой можно посоветоваться...

Ольга не являлась исключением, она, как и все женщины, была «дочерью Евы». Денисов достаточно быстро отбыл на броненосец, сообщив, что катер будет ждать в шесть часов вечера. Василию вместе с нанятым за двугривенный дворником пришлось ворочать кровать, сервант и прочую обстановку квартиры на протяжении без малого еще двух часов.

Имеющиеся занавески Соймонову тоже не устраивали, но, на счастье для лейтенанта, других пока не имелось и замена была отложена на потом, когда будет возможность подыскать соответствующую ткань.

Как бы ни хотелось расставаться, но Василий должен был к вечеру прибыть на «Пересвет». Намека на этот факт оказалось достаточно для соседки, и она, тактично сославшись на дела, поспешила удалиться вместе с парнишкой, который уже успел изрядно подпортить нервы Соймонову, регулярно пытаясь помочь в перемещении тяжелых предметов по квартире.

– Ну вот, Оленька, мне пора, – грустно посмотрел лейтенант на жену, – и даже не знаю, когда смогу снова сюда заглянуть. Придется нам поскучать...

– Знала, на что шла, когда за моряка замуж выходила, – попыталась пошутить Ольга, – Пенелопе и подольше ждать приходилось. Иди уже, вижу, что весь на нервах.

Супруги обнялись и все равно еще несколько минут не

могли оторваться друг от друга.

– Все, Вась, иди, – наконец положила конец затянувшемуся прощанию Ольга.

Глава 6

«Пересвет» снова выглядел красивым и грозным боевым кораблем, а не той развалиной, которую оставил Василий, уезжая в отпуск. Все три трубы были на месте, мачты тоже, правда, теперь на них отсутствовали боевые марсы, восстанавливать которые было долго, дорого и бессмысленно.

Лейтенант с легким волнением наблюдал с борта катера, как надвигается громада ставшего уже родным броненосца, на котором теперь предстояло служить в новом качестве. В совершенно новом.

Денисов еще раз подтвердил, что Василию предстоит исполнять должность старшего офицера корабля. Должность почетную, но, честно говоря, «собачью».

Если командира можно сравнить с монархом или президентом, то есть занимающим пост парадный или боевой, то старший офицер – премьер-министр корабля. Он тот, кому положено решать практически все проблемы в своем... (да в том-то и дело, что «не своем») плавушем «государстве». Все вопросы относительно материальной части, матросов, кондукторов и кают-компаний, все на плечах старшего. И командир за все спросит именно с него. Но без этого и самому никогда не стать настоящим командиром. И правила ценза, зачастую надуманные и даже кое в чем вредные для развития кадрового состава флота, в этом вопросе были весьма

разумны: чтобы занять должность командира корабля определенного ранга, нужно сначала не меньше года прослужить в должности старшего офицера на соответствующем этому рангу корабле.

С некоторым напряжением Василий поднялся на борт, где его сразу же тепло поприветствовал вахтенный офицер мичман Рыжей:

– Рад вас приветствовать на «Пересвете», Василий Михайлович! С возвращением!

– Здравствуй, Алексей Александрович! – протянул руку лейтенант. – Спасибо за теплый прием. А командир где?

– У себя в салоне. Приказал передать, что сразу же по прибытии ожидает вас к себе.

– Разумеется, я только отнесу вещи в свою каюту.

– Господин капитан первого ранга просят вас войти! – командирский вестовой, Савва Нахлестов, выскочив из салона после доклада о прибытии лейтенанта, гостеприимно распахнул дверь перед офицером.

– А-а-а! Василий Михайлович! Ну, наконец-то! Очень рад вас видеть здоровым и бодрым. – Эссен действительно прямо лучился радушием.

После того как офицеры пожали друг другу руки, командир кликнул вестового и приказал принести чаю с ромом.

– Вы, как я знаю, с супругой прибыли. Нормально ее устроили?

– Да, благодарю. Очень приличная квартира, правда, там еще кое-что сделать надо...

– А вот об этом забудьте, уважаемый Василий Михайлович. С броненосца вы теперь сойдете на берег нескоро.

– Да о чем речь, Николай Оттович, я все прекрасно понимаю. Правда, кроме одного: как вам вообще удалось добиться моего назначения на такую высокую должность? До самого последнего момента не верилось...

«О-хо-хо! – подумал про себя Эссен. – А мне-то как не верилось! И сколько пришлось сделать, чтобы подобное для флота чудо состоялось...»

Перед мысленным взором каперанга пролетели события последних недель:

Вирен не предложил не только коньяку, но даже чаю. Признак был нехороший. Но если уж взялся за гуж... – делай, что собирался!

– Как себя чувствуете, Роберт Николаевич?

– Спасибо, для моего состояния – неплохо. Вы пришли моим здоровьем поинтересоваться, Николай Оттович? – в голосе адмирала скрипел явный сарказм.

– И этим тоже. – Эссен не позволил себе обидеться. – Ваше превосходительство...

– Оставьте. И... Извините. – Вирен понял, что перегнул палку в своем недоверии и подозрительности. – Слушаю вас. Просто так вы бы ко мне не пришли. Я прав?

– Разумеется. Не от хорошей жизни я вас побеспокоил. В общем, если сразу брать быка за рога: вы, вероятно, в курсе, что у меня на «Пересвете» в бою погиб мой старший офицер? Аполлон Аполлонович страшно обгорел и не дожил не только до Владивостока, но и до ночи после боя.

– Несомненно, такое я не могу не знать, а зная – забыть.

– А теперь следующее: у меня на броненосце осталось только четыре лейтенанта, которые в обозримое время смогут воевать. Мне нужен старший офицер, хозяин кают-компании. Но и артиллерист со штурманом меня вполне устраивают как специалисты, и я не хочу сейчас, во время еще не оконченной войны, менять их на других.

– Да кто вас заставляет, Николай Оттович? Вам пришлют нового старшего офицера...

– Откуда пришлют? С Балтики? С Черного моря?

– Да какая разница?

– А разница в том, что не примет кают-компания, состоящая в значительной степени из офицеров, бывших под огнем, прошедших через ад Цусимы, похоронивших в море своих товарищей по оружию, извините за цветистую метафору, начальника, «не нюхавшего шимозы». Я не прав?

– Но есть же правила, ценз... Хотя... Вы во многом правы, Николай Оттович. Но есть ведь законы.

– Так война же идет! До крючкотворства ли теперь? Сейчас только один закон – победить! И пусть сейчас перемирие, но мы должны быть готовы воевать. А воюют не только

пушки и машины. Воюют люди.

– Не надо меня убеждать в том, с чем я и так согласен. – Вирен разволновался и стал не только цедить слова сквозь зубы, но и весьма энергично «говорить». Как следствие – шов на щеке слегка разошелся и бинт, стягивающий лицо, потихоньку набухал сочащейся из раны кровью. – Вы чего от меня хотите-то?

– Я хочу назначить старшего офицера по своему усмотрению. Хотя бы исполняющим обязанности.

– Ну, так неужели это требует такого накала эмоций? Подавайте рапорт, и почти наверняка его утвердят.

– Парню двадцать четыре года. – Эссен с легкой иронией посмотрел на адмирала. – Утвердят?

– Сколько? Двадцать четыре? Старшим офицером броненосца? Николай Оттович, побойтесь бога! Кто такой этот ваш протеже?

– Тот самый лейтенант, которому вы соизволили лично повесить на грудь своего «Георгия». Соймонов. Роберт Николаевич, поверьте мне как командиру корабля: его примут. Его уважают офицеры и слушаются матросы. Пусть он молод, но он настоящий офицер. Он справится.

– Нет, подождите! Есть же, в конце концов, правила, традиции, ценз...

– А разве по правилам мы с вами атаковали японцев двадцать седьмого января? Вы на «Баяне», а я – на «Новике». Весь японский флот. Крейсерами. Вы считаете, что мы тогда

поступили неправильно?

А прорыв из Артура? А затопление «Севастополя»? Уж тут точно вопреки всем правилам мы действовали. Вы хоть раз пожалели об этом?

– Николай Оттович, – снова перешел на шепелявящий шепот Вирен. Казалось, разговор задел его за живое, но он мог только сверкать глазами, цедя слова сквозь зубы из-за ранения. – Вы вот за лейтенанта просите... Я сам, что ли, по-вашему, не понимаю сложившуюся ситуацию? По цензу, чтобы стать капитаном второго ранга, надо почти пять лет в походах лейтенантом провести. А чтобы первого – человек должен год старшим офицером побыть и, главное, – год командиром корабля второго ранга. Но вы посмотрите вокруг, – Вирен кивнул в сторону распахнутого иллюминатора, – корабли в гавани с виду больше на металлолом плавающий похожи. И экипажи у них такие же некомплектные – одних командиров кораблей первого ранга в бою погибло восемь! Четверо со своими кораблями, а остальных на кого заменить? Шеина, Серебряникова, Дабича, Егорьева? И еще серьезно раненых Щенсновича, Юнга и Бухвостова? Так что всех капитанов второго ранга, кого только можно повысить, отправим командовать броненосцами и большими крейсерами. Но других офицеров выкосило еще сильнее. И даже если мы опять же дадим чины всем проходящим по цензу лейтенантам, проблему это не решит! Все равно лейтенантов ставить на должности старших офицеров придется, да и

миноносцами, похоже, теперь будут командовать только лейтенанты... Пришлют еще, говорите? С Балтики? С Черного моря? Так некого оттуда больше присылать! И так уже пришлось ветеранов русско-турецкой из отставки выдерживать³. Остались только корабли третьей эскадры, которых «грабить» нельзя, и гардемарины на «Минине»... Вы только об этом не особо на эскадре распространяйтесь. Так что пусть пока исполняет должность ваш Соймонов. Временно исполняет. И только в том случае, если вы лично гарантируете мне, что это действительно самая подходящая кандидатура.

Теперь Эссен уже мог гарантировать адмиралу, что Василий – действительно самая подходящая кандидатура... А ведь когда он предлагал должность лейтенанту, все это было чистой воды авантюрой и блефом. Буквально до вчерашнего дня.

– Господа! – начал разговор командир «Пересвета» со своими старшими артиллерийским и штурманским офицерами, лейтенантами Черкасовым и Тимиревым. – Я прошу вас меня простить, что не назначил исполнять обязанности старшего офицера кого-то из вас. Простить и понять меня: вы оба, хотя бы на период войны, до зарезу нужны мне на своих должностях. Такого артиллериста, как вы, Василий Нило-

³ Факт, имевший место в реальной истории – здесь имеется в виду, в частности, командир госпитального судна «Орел» капитан 2-го ранга Я.К. Лахматов.

вич, я не найду нигде, а броненосец должен стрелять и, черт побери, попадать. Вы же, Владимир Сергеевич, знаете Японское море и его окрестности как никто.

— Николай Оттович, да полноте, какие обиды? — Черкасов совершенно искренне удивился. — Вы командир, вам и решать, кому и кем быть на корабле. Даже странно слышать. И обидно. Я на самом деле хочу быть у своих пушек. Уж во всяком случае до победы над японцами.

Тимирев в душе был не столь категоричен, но за компанию поддержал своего коллегу. Да и комплимент командира был ему приятен.

— Благодарю вас за понимание, господа, — с внутренним удовольствием продолжил Эссен, — надеюсь, что лейтенант Белозеров в роли исполняющего должность старшего офицера устроит всех. Так?

— Так точно, Николай Оттович! — чуть ли не дуэтом ответили офицеры. Но лица их напряглись.

— «Так точно!», говорите? — командир ехидно посмотрел на лейтенантов. — Вы что, в самом деле думаете, что я не знаю об обстановке на броненосце. Вы в самом деле довольны «хозяйном кают-компаний»? Хотите, чтобы Андрей Алексеевич им остался?

Лейтенант Белозеров был действительно самым старшим из оставшихся в строю лейтенантов броненосца. Особой любовью и уважением офицеров и матросов он не пользовался и раньше, а после назначения исполняющим должность

старшего офицера развернулся вовсю... Сначала «взвыли» матросы. Тихо взвыли, в своей среде. Мелочность и дотошность «старшого» довели дружную команду чуть ли не до белого каления. Понятно, что на флоте должен быть порядок, но ты ведь не проверяй белыми перчатками чистоту только что установленных вентилятора или шлюпбалки, пойми, что люди только что закончили тяжелейшую работу, дай дух перевести...

Офицеры тоже очень быстро почувствовали амбиции нового хозяина кают-компаний. И характеризовали его одним словом: «Дорвался».

Действительно, если слишком долго ждать возможность сделать следующий шаг по карьерной лестнице – можно «перегореть». И ничего хорошего из этого не выйдет ни для тебя самого, ни для твоих подчиненных. Неплохой в начале службы офицер Белозеров годами ждал и нервничал, а это никому не улучшит характера...

– Если честно, Николай Оттович, то я бы предпочел видеть старшим офицером кого-то из мичманов или даже механиков, – осмелел Черкасов.

– Согласен с Василием Ниловичем, – присоединился Тимирев, – не считите нас ябедами, но действительно Белозеров создал невыносимую обстановку и на броненосце, и в кают-компаний. Если наше мнение для вас что-нибудь значит...

– Я понял вас, господа. И не случайно завел разговор на

эту тему именно с вами. Мичман или механик, это, конечно, слишком... Я подумал о Соймонове. Что скажете?

– Вася?! Ой, извините, Николай Оттович, – Черкасов слегка смутился, столь откровенно высказав свои эмоции, – лейтенант Соймонов – вполне подходящая кандидатура. И, по-моему, лучшее решение проблемы.

– Не стал бы так категорично, как Василий Нилович, утверждать, – без особого восторга присоединился к мнению артиллериста Тимирев, – но в качестве временно исполняющего должность старшего офицера – лейтенант Соймонов лучшая кандидатура. Если, конечно, не пришлют кого-нибудь постарше. Уважение команды и кают-компаний он, несомненно, заслужил. Но вот как получится у Василия Михайловича в новом качестве... Не знаю.

– Мне этого достаточно, господа. – Эссен почувствовал внутреннее облегчение. – Можете быть свободны. Благодарю за искренность.

Последующий (он же последний) разговор на эту тему был уже не очень сложным – слишком тщательно и презентабельно Эссен «позолотил пилюлю».

– Спешу вас поздравить, уважаемый Андрей Алексеевич, – командир «Пересвета» просто лучился доброжелательностью, – вы теперь командир корабля.

– Простите, Николай Оттович, не совсем вас понимаю. – Белозеров был буквально ошарашен. – Какого корабля?

– «Бедового». Только что пришел приказ о вашем назначении. Понимаете, в бою погибло и было тяжело ранено так много командиров кораблей, что на эскадре, после прибытия, идет натуральная чехарда. Чагина с «Алмаза» отправили командовать «Александром Третьим» вместо тяжело раненного Бухвостова, Баранова с «Бедового» – на «Алмаз», ну а вас, как одного из самых заслуженных лейтенантов, – на миноносец.

Эссен, естественно, не распространялся, чего ему стоило устроить данное назначение, но цель, в конце концов, была достигнута – приказ пришел.

– Благодарю вас, кому прикажете сдать дела?

– На днях возвращается лейтенант Соймонов – ему и сдадите.

– Соймонов? Странно... Нет, ничего плохого о Василии Михайловиче сказать не могу, но он ведь самый молодой лейтенант на корабле. И это утвердили?

– Это оставили на мое усмотрение. Я решил так. У вас будут какие-нибудь серьезные возражения? Я внимательно выслушаю.

– Да нет, какие возражения, просто... Неужели все флотские традиции и законы уже не действуют?

– Вы про ценз и право старшинства? Нет, не действуют. И не могут они сейчас действовать. Сейчас, после той бойни в Цусимском проливе и необходимости продолжать войну, многое традиционное отходит на второй план, любезный

Андрей Алексеевич. И не мне вам это объяснять. Вы же прекрасно понимаете, что любой из вас, прошедших этот бой, для командира корабля гораздо ценнее и дороже, чем десять кавторангов с Балтики или Черного моря. И это поняло в том числе и командование. И я поддержал ваше назначение командиром миноносца, как мне ни жалко было лишиться такого превосходного офицера. Удачи вам на новом месте службы в качестве командира.

Должность командира корабля, пусть и небольшого, это, конечно, значительно более привлекательная перспектива, чем самое хлопотное, хоть и весьма почетное место на флоте – быть старшим офицером броненосца. И та, и другая должности соответствуют чину капитана второго ранга, но, будучи командиром миноносца, хлопот имеешь гораздо меньше, а жалованье, кстати, повыше.

Так что Белозеров сдавал дела Василию ничуть не обиженным, а даже наоборот – с облегчением, и тон общения с его стороны был вполне дружелюбным и слегка покровительственным.

– Удачи в новой должности, Василий Михайлович. Честно говоря, я вам не завидую: это снаружи «Пересвет» выглядит вполне презентабельно, а знали бы сколько проблем в его «потрохах»! Не хватает всего. Каждую бухту провода приходится выбивать с боем, каждый мешок для угля...

– Так я и не ждал легкой службы, – откровенно ответил

Соймонов. – И прекрасно понимаю, что само делаться ничего не будет, придется попотеть. С сегодняшнего дня влезаю в вашу шкуру, зная, что проблем и неприятностей будет немало. И благодарю вас за все, что вы сделали на корабле к моему возвращению.

– Да уж, поработать пришлось, – Белозеров оценил вежливость своего преемника и ответил благожелательной улыбкой, – но основные трудности у вас впереди – на днях прибывают офицеры и матросы с Черного моря для пополнения нашего экипажа. Сильно подозреваю, что ожидаются трения в кают-компании между ними и «старожилами», прошедшими через походы и сражения. А матросы... В стране-то ведь чуть ли не революция, и как бы эти черноморские бездельники не притащили на эскадру социалистическую заразу. Я, честно говоря, с большим напряжением ждал этого и очень рад, что избавляюсь от необходимости решать грядущие проблемы такого плана.

В общем, простились офицеры вполне доброжелательно, а то, что лейтенант Белозеров не особенно ушел от реальности, рисуя картину ближайших проблем для Василия, тому пришлось убедиться достаточно скоро.

Даже при очень хороших отношениях с сослуживцами стать главой кают-компании броненосца, на котором под два десятка офицеров (а скоро будет больше), в двадцать четыре года – это испытание. Однако «глаза боятся, а руки делают». Не сказать, что было легко, но особых конфликтов не возни-

кало, и гасить их не пришлось. Вот с материальным обеспечением дела обстояли действительно очень тяжело: порт физически был неспособен снабдить возвращающиеся к жизни корабли всем необходимым, разве что с питанием все обстояло прилично, а вот любую «железку» из ведомства адмирала Грече приходилось буквально выдирать с мясом и кровью. И все это через ревизора и старших специалистов броненосца – Василий борта не покидал и не виделся с женой уже вторую неделю, с самого прибытия во Владивосток. На берег отправлялись обычно Денисов, Черкасов или даже Эссен. Но и самому Николаю Оттовичу, несмотря на его мертвую деловую хватку, зачастую не удавалось добиться желаемого результата.

И дело было даже не столько в «береговых бюрократах», сколько в треклятой пропускной способности Транссибирской магистрали. В Европейской части России было почти все необходимое Тихоокеанскому флоту, но не было возможности своевременно доставить это на Дальний Восток. И в порту в результате не хватало всего. От банального листового железа и стволов новых орудий до современных дальномеров Барра и Струда, которых на эскадре осталось целыми только восемь штук.

Глава 7

Обидно. Очень. Всем выловленным из воды «ослябцам» дали кресты. А ведь он его заслужил больше, чем многие из... Но тем не менее Артур помимо воли частенько косил глаза на своего «Георгия», качавшегося на груди.

С «Победы», куда перевели Вилката после чудесного спасения, его отпустили на берег в первый раз. И «оторваться» по-настоящему возможность появилась впервые. Новоиспеченный георгиевский кавалер страшно соскучился по пиву. Пусть на броненосце и была ежедневная чарка, но чертовски хотелось взять в руки большую кружку, сдуть с нее пену и влить в себя хмельную влагу долгими-долгими глотками.

Искать подходящий трактир долго не пришлось. Даже ста метров по Светлановской идти не было необходимости – «Козочка» находилась почти у самого порта. Матрос, плюхнувшись за стол, по-барски махнул рукой «челаэку». Тот немедленно подскочил и, прослушав заказ, буквально через минуту нарисовался с двумя кружками пива. Благосклонно кивнув, Артур отпустил полового и с жадностью приложился губами к «жидкому хлебу».

– Рупуже!⁴ – матрос был сильно недоволен. – Ну как можно называть пивом такую дрянь!

⁴ Рупуже (лит.) – жаба. Чуть ли не единственное ругательство на литовском.

На самом деле пиво было довольно неплохим, просто хотелось показать, что «пивали мы и получше».

А вот стрелок из-за соседнего столика резко вскинул голову и, услышав литовское ругательство, пересел за столик Артура.

– Здравствуй, товарищ, ты откуда?

– С моря, – неприветливо посмотрел матрос на «сухопутную крысу». – Тебе чего?

– Да нет, я имею в виду, где родился и жил, судя по «рупуже» – мы земляки.

– Ну, из Ковно, а ты?

– Из-под Вильно. Выпьем?

– Так за тем и пришли. Давай.

Матрос и солдат чокнулись кружками, и пиво полилось по своему предназначению.

– За Цусиму? – ткнул пальцем в сторону креста солдат.

– Разумеется. Иначе бы здесь не сидел.

– А ты задумывался о том, что это не твоя война? И не моя. Это война Империи. Империи, которая держит в рабстве и твою Литву, и мою Польшу. Ты желаешь ей победы? Чтобы русский царь и дальше продолжал угнетать наши народы?

– Что-то я тебя не пойму. Нам что, проиграть нужно было?

– Это, несомненно, было бы лучше всего. Поражение России в войне – самая большая польза для народов, которые она поработила.

– То есть нам было нужно всем на дно пойти? – что-то звериное стало просыпаться в спокойном и флегматичном литовце.

– Ну не всем вам, конечно, но для нас, тех, кого Россия угнетает уже не первый век, – конечно, было лучше, чтобы ее армия и флот обделались в этой войне. Разве я не прав, товарищ? Разве ты не хочешь, чтобы твоя Родина была свободной?

Тут Артура «накрыло». Мысли и воспоминания о бое понеслись в мозгу со скоростью экспресса. Мы зря воевали? Я зря наводил свою пушку и попадал? Тебе, сука, мало порванных в куски снарядами и осколками моих «братишек»? Ты воду ту самую, горько-соленую, хлебал? Тварь!

Кулак матроса и кавалера, практически помимо воли его «владельца», впечатался в скулу пехотинца. Того мгновенно снесло со стула.

– Гнида! Ты хоть японца живого видел? Ты тонул? Ты ши-мозу нюхал? Н-на! – Артур тоже выскочил из-за стола вслед за «земляком», и ботинок матроса смачно врезал под ребра провокатора. – Жалеешь, что не всех нас акулы сожрали? Убью гада!

Сидевшие за столиком неподалеку солдаты повскакивали со стульев и подались было на выручку товарища, но трактир все же был портовый...

– А ну ША! – матросы с «Ретвизана», «Изумруда» и «Авроры», находившиеся здесь же, достаточно четко показали,

что своего в обиду не дадут. Но и Артура попридержали. – Ты чего, братишка, взбесился? Что он тебе сделал-то?

Ярость потихоньку проходила, и наводчик смог внятно донести до моряков суть происшедшего.

– Во мразь! – у матросов появилось желание уже всем вместе продолжить экзекуцию, но здравый смысл взял-таки верх.

– Да ну его к черту! – презрительно бросил один из изумрудовцев. – Убьем еще ненароком – нам же и отвечать придется. Социалист это. Наверняка. Сдадим эту сволочь в участок, а там пусть полиция разбирается.

Даже стрелки, узнав, в чем дело, не стали защищать «брата по оружию», и незадачливый агитатор был препровожден туда, где с ним уже общались люди, которым и положено этим заниматься.

Глава 8

Вошедшее в свою силу летнее солнце, даже не попадая напрямую в высокие и широкие окна, буквально заливало светом кабинет командующего флотом на Тихом океане. Но отнюдь не наступающая на Приморье жара волновала собравшихся за столом Рождественского начальников отрядов – каждый знал, что накануне из Санкт-Петербурга вернулся контр-адмирал Вирен, и новые указания «из-под шпица» обязательно последуют. Кому-то могут дать новую должность, а кого-то – таковой лишить. Учитывая, что треть присутствовавших пока лишь «исполняли должности», заменив своих убитых или серьезно раненных командиров и еще не получив утверждения, этот вопрос был весьма животрепещущим. Да и сам общий замысел того, как, базируясь в совершенно, как оказалось, не готовом к приему такого огромного числа кораблей Владивостокском порту, должна действовать эскадра, в любом случае должен был если не исходить из здания Адмиралтейства, то хотя бы быть утвержденным там.

– Господа адмиралы и офицеры! – обратился, наконец, к собравшимся Рождественский. – Прежде чем огласить поступившие нам из Санкт-Петербурга конкретные приказы, я хотел бы познакомить вас со своим видением политической стороны нашей нынешней ситуации. Скажу прямо: ес-

ли бы такие силы, как сейчас мы собрали, находились бы в Порт-Артуре, то, на мой взгляд, уже можно было бы считать, что война закончена. Однако Владивосток – это не Порт-Артур, – адмирал кивнул в сторону висящей на стене огромной карты, – здесь мы со всех сторон отрезаны от основных японских коммуникаций проливами, в которых ночами охотятся десятки японских миноносцев, и если крейсера имеют хорошие шансы миновать их невредимыми, используя свою большую скорость, то для броненосцев, а особенно наших «старичков», каждый проход через проливы – это большой риск. На новых же броненосцах, как вы все знаете, ремонт продлится еще некоторое время. – На слове «ремонт» адмирал поморщился так, что присутствующим показалось, что у него заболел зуб, хотя на самом деле просто за последние полтора месяца вечно проблемный ремонт измучил его сильнее, чем ранение. Тем временем Рождественский продолжил: – Однако безучастное сидение эскадры в Порт-Артуре было очень плохо воспринято в Санкт-Петербурге. И на суше, как вы знаете, войска до сих пор не могут прийти в себя после поражения под Мукденом. Поэтому нам никак нельзя быть безучастными сейчас, когда по крайней мере здесь, в Японском море, которое, кстати, решено на русских картах переименовать просто в Восточное, сила на нашей стороне! И, согласно поступившим приказам, – адмирал положил руку на лежащую перед ним папку с бумагами, – все части нашего флота получают свою часть работы, чтобы эту силу ре-

ализовать. Итак, – адмирал раскрыл папку и извлек оттуда первый документ, – начнем со стратегии в этой войне. Вернее в ее продолжении. Прошу выслушать начальника штаба флота, контр-адмирала Клапье де Колонга. Прошу, Константин Константинович.

Бывший флаг-капитан Рожественского, получивший за поход и Цусиму и «Георгия», и орла на погоны, ставший контр-адмиралом, неторопливо принял папку из рук командующего и, не тратя слов на вступление, обратился к присутствующим:

– Господа, если рассматривать некоторую программу-максимум, то в обозримое время России нужно вернуть хотя бы потерянное за последний год. Про штурм Токио пока рассуждать не будем. Основную задачу будет выполнять наша Маньчжурская армия, но ей, во-первых, необходима поддержка с фланга, а во-вторых, мы должны максимально затруднить противнику подвоз подкреплений и снабжение армии на континенте. Ну и, в-третьих, сделать невозможным или хотя бы очень затруднительным подвоз всего, о чем только можно подумать, в саму Японию. Не мне вам объяснять, что без сколько-нибудь стабильного снабжения из других стран метрополия врага долго не протянет. Но этот, третий вопрос вполне решается сам собой при достаточно активных действиях наших крейсеров, в первую очередь вспомогательных. Но их нужно обеспечить. К этому мы вернемся позже. Сейчас, так сказать, о «главном направлении».

Мы имеем полностью боееспособными «Полтаву», «Сисой Великий», «Наварин» и «Нахимов». Отремонтированы и вошли в строй «Орел» и «Бородино». Ожидается на днях присоединение к основным силам «Пересвета» и «Победы». Но на все отремонтированные броненосцы только семь целых дальномеров Барра и Струда. Адмиралтейство обещает еще несколько штук в течение месяца, но пока мы имеем то, что имеем.

По крейсерам: в строю «Олег», «Жемчуг» и «Изумруд», на днях, опять же, заканчивают последние приготовления «Баян» и «Богатырь». На «Громобоя» и «Аврору» в ближайший месяц можно не рассчитывать.

У противника же, если считать истребленными только те корабли, гибель которых мы однозначно наблюдали, в строю два броненосца (считая «Чин-Иен») и шесть броненосных крейсеров⁵. При этом в легких крейсерах у японцев преимущество значительное – тринадцать вымпелов против наших четырех. Благо, что по скорости преимущество у нас – уйти от превосходящего противника может любой наш крейсер. Если, конечно, встреча произойдет в открытом море.

С миноносцами дело значительно хуже – у японского флота просто подавляющее превосходство в кораблях этого класса. И подкреплений в этом плане нам ждать неоткуда.

– А в каком плане есть откуда? – не утерпел Ухтомский.

– С Балтики, Павел Петрович, – спокойно ответил Кла-

⁵ Гибель «Асамы» в Цусимском сражении русские не наблюдали.

пье де Колонг. – То, что снаряжается Третья эскадра, было известно давно, но теперь можно смело надеяться на ее появление в здешних водах месяца через три. А это весьма серьезное подспорье в войне: броненосец «Слава» один стоит японского «Сикисимы», старички «Александр Второй» и «Николай Первый» очень прилично бронированы, да и пушки у них вполне грозные, броненосцы береговой обороны втроем стоят двух броненосных крейсеров противника, крейсера «Владимир Мономах», «Память Азова» и «Адмирал Корнилов» сильнее любого бронепалубного крейсера японцев каждый. А то и двух. А вот с миноносцами как раз большая проблема. Из больших – только «Видный», ну и несколько типа «Сокол». Но ведь наверняка часть из них не дойдет из-за поломок. Увы.

Линейный бой со всем флотом противника третья эскадра вполне может выдержать. Ну, хотя бы некоторое время – наверняка. Так ведь и мы в стороне оставаться не будем, выйдем навстречу.

Но это вступление, как вы сами понимаете. Теперь о том, что нам предстоит делать в ближайшее время: имеющихся у нас линейных сил, при всех проблемах, достаточно, чтобы спокойно выйти в Цусимский пролив и даже дальше и господствовать там над морем. Нам нечего бояться всего флота Японии в прямом столкновении. Днем. Но в темноте наши силы наверняка будут атакованы армадой миноносцев про-

тивника и нет никакой гарантии, что к утру пара наших броненосцев и крейсеров не будут иметь по минной пробоине, а то и вообще окажутся потопленными. Вы согласны?

Легкое гудение за столом было вполне одобрительным – начштаба флота говорил вполне логично и разумно.

– Так вот, – продолжил адмирал, – для обеспечения фланга армии, которая собирается перейти в наступление, нам необходимо как бы двигаться вслед за ней вдоль береговой линии к Корее. Баз у нас, как вы прекрасно понимаете, там нет. У нас вообще только одна реальная база на Дальнем Востоке – Владивосток. Но береговая линия весьма удобна для стоянок эскадр – очень много бухт с подходящими глубинами. Чуть ли не каждые пятьдесят миль имеется вполне приличная стоянка. Есть предложение: постепенно захватывая побережье в надлежащих местах, оборудуя там временные порты, двигаться к Гензану. Ну, и как конечная цель – захватить этот порт, чтобы обеспечить к зиме незамерзающую базу для флота.

Подробности я сейчас опущу. Все необходимые планы и указания вы получите позже в письменном виде. Сейчас хотелось бы решить вопрос в принципе: какие проблемы вы видите в предложенном плане действий, как их можно будет решить, как можно улучшить этот план. Прошу высказываться, господа!

Вирен решил пока помолчать и послушать. Первым слово взял Ухтомский.

– Теоретически мне все кажется правильным, но вот на практике, по-моему, будет не так гладко. Предположим, мы захватим три бухты на нужном удалении одна от другой. В первую очередь это угольные склады и место охраняемой ночевки наших судов. Значит, нужны батареи, значит, нужно минимум по батальону солдат для охраны и защиты побережья. То есть целый полк пехоты, не считая артиллерии. У нас есть этот полк? Есть пушки? А ведь если этого не сделать, то японцы, узнав о такой временной опорной базе, могут самыми скромными силами в виде канонерок и миноносцев организовать небольшой десант на побережье и, вырезав гарнизон, уничтожить и батареи, и уголь. Я уже не говорю о том, что, узнав об облюбованной нами бухте, весьма несложно ночью заминировать подходы к ней. Разве я не прав? Прошу развеять мои сомнения.

– Насчет полка вы, Павел Петрович, можете совершенно не волноваться. У нас есть и полк и два. Но два не понадобится.

Не мне вам рассказывать о численности владивостокского гарнизона. Осада порту и крепости не грозит: японцы должны окончательно сойти с ума, чтобы посметь десантировать войска в зоне действия превосходящего флота противника. Нашего флота. Так же как и пытаться осуществлять блокаду порта с моря. Я бы просто аплодировал такому решению японского командования. Тогда победа досталась бы нам легко и быстро. К тому же уверен, сухопутное руковод-

ство горячо поддержит этот план, и командиры полков будут чуть ли не добиваться того, чтобы выбрали именно их. Причины, я думаю, всем присутствующим понятны, поэтому озвучивать мысль до конца не буду.

А полк в составе двух тысяч ста человек – это вполне достаточные силы для охраны сетевого заграждения, немногочисленных портовых средств и нескольких куч угля под навесами. В трех бухтах. Опыт обороны Циньджоусского перешейка показал, что на окопавшиеся в гористой местности войска надо наступать во много раз превосходящими силами. А уж если десантироваться с моря на укрепившегося противника – рекомендую число атакующих удвоить. И это как минимум. И здесь главное то, что морем в этом районе мы владеем безраздельно. Высаживаться ночью на корейский берег, да еще и вне этих самых бухт – форменное самоубийство. А днем толпа транспортов, спустивших шлюпки, рискует больше не вернуться к берегам Японии, так как их даже наши старички легко догонят, не говоря уже о более быстрых кораблях. Атака же такой гавани с суши тоже будет весьма затруднена, так как в северной Корее, – контр-адмирал в очередной раз обвел указкой соответствующий регион на карте, – напрочь отсутствуют какие-либо железные дороги, и мы всегда успеем перебросить силы раньше японцев. Соответственно, по оценкам наших сухопутных коллег, для охраны и обороны каждой из временных стоянок потребуется не более пехотного батальона, каждому из которых

для поддержания непрерывной связи и наблюдения за морем будут переданы радиостанции. Можно не поскупиться и выделить еще один батальон для захвата гаваней. Из любого полка, находящегося в резерве во Владивостоке. В готовности погрузиться на корабль и отбыть туда, куда потребуется. Первый полк и упомянутый батальон будут выделены из состава владивостокского гарнизона, так как с приходом эскадры опасность десанта здесь значительно снизилась. Добавлю только, что для захвата Гензана нам обещали прислать дополнительные подкрепления. Я ответил на ваш вопрос?

Было видно, что Ухтомский далеко не удовлетворен разъяснениями Клапье де Колонга, но продолжать спор на глазах командующего ему не хотелось. На выручку пришел Вирен:

– Простите, Константин Константинович, но о минной опасности вы ничего не сказали. В Артуре эскадра вела, извините за высокопарность, ежедневную и еженощную битву за внешний рейд. И в конце концов проиграла эту битву: погибли на минах «Петропавловск», «Гремящий» и «Выносливый», подрывались и надолго выходили из строя «Севастополь», «Победа», «Баян», «Разящий». Еще несколько миноносцев и «Гиляк» были потеряны на минах после прорыва основной части эскадры из Порт-Артура. А ведь постоянно на рейде дежурили и вступали в бой с противником корабли от крейсеров до землечерпалок и портовых буксиров.

А что будет на этих временных базах? У нас есть канонерки и миноносцы для охраны подходов к ним? Вопрос рито-

рический – нет и не предвидятся. Японцы, узнав о нашей суете в некой бухте, а то, что они об этом узнают в ближайшее после начала работ время, у меня нет ни малейших сомнений, не преминут спокойно и аккуратно поставить несколько минных банок на ближайших подступах. Что чревато серьезнейшими для нас неприятностями – довести до Владивостока броненосец или крейсер с минной пробойной может стать невыполнимой задачей.

– А что предложили бы вы, Роберт Николаевич? – прогудел сочным басом командующий флотом. – Но только следуя из установки, что Гензан нужно брать обязательно, и это не обсуждается.

– Понимаю, что не обсуждается, – свежий шрам на щеке Вирена стал малиновым, сигнализируя о том, что адмирал занервничал. – Не проще ли «брать уголь с собой»? Я понимаю, что угольщики тихоходны и будут тормозить эскадру. Но ведь не существенно тормозить – их парадный ход в девять узлов всего на узел меньше крейсерской скорости любого боевого корабля.

А есть еще вариант: переделать под эскадренные угольщики пару вспомогательных крейсеров. С их вместительными трюмами и мощными машинами снимаются вообще все проблемы.

Я понимаю, что они нужны в океане на коммуникациях, но разве ради мобильности целой эскадры не стоит просто уменьшить число вспомогательных крейсеров всего на две

единицы?

Рождественский поспешил на помощь своему начальнику штаба:

– Хорошо, но, на мой взгляд, основная суть этих стоянок не в угле – три сотни миль до Гензана даже малые миноносцы пройдут без особых проблем. Разве что подводные лодки не смогут, но им-то уголь как раз и не нужен. Главная задача этих баз укрывать транспорты на ночь, чтобы не подставлять под удар японских миноносцев войсковые перевозки в темное время суток. Что же касается минной опасности, она, безусловно, существенна. Но опять же, на мой взгляд, не безнадежна. Поскольку мы будем действовать днем, то нам ничто не мешает самим заминировать подходы к гаваням, оставив только узкие проходы до глубокой воды, найти входы в которые ночью будет просто невозможно. Тогда японцы при попытке мин накидать скорее сами на наших минах подорвутся. А поскольку проходы будут узкими, даже в ежедневном их тралении никаких проблем возникать не должно – это в Порт-Артуре над нами все время довлел неприятельский флот, а здесь, даже если таковой и появится, то это уже ему придется ходить по нашим минным полям. Да еще и в районе, где у нас явное преимущество в силах. Единственная проблема – понадобится много мин, но и операцию мы будем готовить не один день, а мина – это не какой-нибудь ствол морского орудия, который надо точить месяцами. Так что, я надеюсь, что какую-то часть удастся получить с других

флотов, а некоторое количество нам смогут дать и заводы.

А насчет вспомогательных крейсеров, используемых в качестве быстроходных угольщиков... У нас, Роберт Николаевич, на них особые виды: на днях приходят две восьмидюймовые пушки с «Храброго». Сами знаете, чего нам с вами стоило убедить Адмиралтейство отдать на Тихоокеанский флот эти орудия... И вот, в течение недели они прибудут сюда. Значит, еще спустя месяц «Громобой» станет полноценной боевой единицей, крейсером, которому японцам нечего противопоставить в океане. Он станет хозяином восточного побережья Японских островов. Автономность этого крейсера очень приличная, но если при нем и под его защитой будет находиться еще и пара быстроходных вспомогательных крейсеров...

Адмирал вдруг осекся. Голова слегка закружилась, в глазах заплескали мелкие радужные искры...

– Зиновий Петрович, вы себя хорошо чувствуете? – забеспокоился Клапье де Колонг, глядя на побледневшее лицо командующего.

– Все нормально, Константин Константинович, – слабым голосом отозвался Рожественский, присаживаясь в кресло, – вероятно, постоянный недосып сказывается. Продолжите мою мысль, пожалуйста, вы же полностью в курсе этого плана.

– Ваше высокопревосходительство, может, все-таки пригласить врача? – обеспокоенно вмешался Энkvист.

– Вздор! – командующий не привык, чтобы его распоряжения оспаривали. – Все пройдет. Продолжайте совещание.

Чувствовалось, что начальнику штаба, да и остальным адмиралам было бы спокойней продолжать именно в присутствии хоть какого-нибудь медика, а еще лучше – в отсутствие самого Зиновия Петровича. Но все знали и о его непреклонном, даже вздорном характере, поэтому возражать не решились. Даже Вирен, известный своим упрямством и занудливой дотошностью.

– В присутствии быстроходных угольщиков, – продолжил Клапье де Колонг, тем не менее встревоженно оглядываясь на Рожественского, – «Громобой» сможет провести у океанского побережья противника около месяца. Представляете, какую панику у судовладельцев, торгующих с Японией, это вызовет? И ведь он будет не один. «Терек» и «Кубань», которых мы собираемся выделить вместе с ним в отряд, и сами вполне грозные для торгового флота боевые единицы. Броненосный крейсер именно обеспечивает устойчивость отряда – японцы не посмеют ловить нашу группу бронепалубными крейсерами. А броненосные им отвести из пока еще Японского моря мы не позволим. Так что... Зиновий Петрович! Зиновий Петрович, что с вами?!

Начальник штаба флота повернулся к своему начальнику, чтобы тот подтвердил сказанное, но обнаружил, что адмирал, бледный как бумага, вдавил свою бороду в грудь и совершенно безучастен к происходящему. Остальные присут-

ствующие тоже только сейчас обратили внимание на Рождественского.

– Врача! Немедленно врача!! – Вирена непонятно какими силами вынесло к двери, каковую он чуть ли не протаранил, пытаясь поскорее распахнуть.

События понеслись бешеным галопом: буквально через пару минут прибежал врач и бесцеремонно выставил ошарашенных адмиралов из зала, в котором проходило совещание, флаг-офицер командующего уже летел в госпиталь в экипаже с такой скоростью, каковую не наблюдали на улицах Владивостока никогда ранее. Обыватели только успевали шараться из-под копыт. Удивительно, что никого по дороге не сбили.

– Главного врача! Немедленно!! Командующий умирает!!! – лейтенант Свенторжицкий орал так, что звуки его голоса, казалось, должны достигнуть самых отдаленных закоулков Владивостокского военного госпиталя.

В общем, уже через двадцать минут трое докторов присоединились к своему коллеге в штабе флота. Адмиралы, не расходясь, стояли возле дверей зала совещаний и нервно переговаривались.

– Не кончилось бы совсем худо, – мрачно бросил Клапье де Колонг. – У Зиновия Петровича ведь еще на Бонине микроинсульт был, а тут еще и раны, и вся эта нервотрепка в бою и после...

– Ладно вам, Константин Константинович, Бог не без ми-

лости. — Ухтомский пытался казаться бодрячком. — Еще подходим под флагом нашего адмирала.

— Нет, господа. — Вирен, как всегда, был въедлив и занудлив. — Мы когда-нибудь планировать войну научимся? Ведь одного адмирала потеряли в бою — Иессена, Фелькерзам уже во Владивосток пришел еле живым, дай Бог, чтобы выжил. Зиновий Петрович был плох, и после ранения, и после всего этого нервного напряжения похода и боя. И что? В результате мы тут с вами вчетвером остались. Сплошь контр-адмиралы. И ни одному из нас флотом командовать не по чину. А кто будет этим заниматься?

— Да ладно вам, Роберт Николаевич, сгущать краски — не в осажденном Артуре все же находимся.

— Да. Не в Артуре и не в тех условиях, что были год назад, Павел Петрович. Но, черт побери, нам данное положение дел далось не задаром. И не мне вам объяснять, чего стоил, в том числе и нам с вами, тот факт, что сейчас во Владивостоке находится наша эскадра. И что практически половина вражеского флота на дне моря, а не на его поверхности.

Глава 9

Адмирал Того мрачно рассматривал с мостика «Сики-симы» корабли, шедшие в кильватере. Зрелище не обнадеживало. Называлось все это по-прежнему «Соединенный Флот», но сила его уменьшилась более чем вдвое: потоплены в бою три броненосца и остался только один современный. Количество броненосных крейсеров уменьшилось до пяти, и то «Идзумо», искореженный русскими снарядами и чудом добравшийся до родного порта, до сих пор находится в ремонте. «Якумо», и без того бывший самым тихоходным среди своих собратьев, имеет повреждения в машинах и с трудом держит пятнадцать узлов. Почти все орудия главного калибра расстреляны в сражении, и заменить их просто нечем. Хорошо, что запасных стволов хватило на замену полностью уничтоженных пушек.

С малыми крейсерами история более благополучная: «Та-касаго» погиб, а «Акицусму» решили пока вообще в строй не вводить, но остальные девять единиц отремонтированы и вполне боеспособны.

Ну и отряд адмирала Катаока из трех «мацусим» и «Чин-Иена» в силах воевать. Да только задачи он может выполнять самые скромные. Командующий с радостью обменял бы весь этот плавающий антиквариат на один дополнительный броненосный крейсер.

С миноносцами все в порядке: потеряны только три, но это совершенно не страшно, так как уже начали вступать в строй новые корабли этого класса.

Но все они неспособны решить сложившуюся ситуацию в борьбе на море. Нужны броненосные корабли с мощной артиллерией, нужны крейсера-разведчики. И всех их недопустимо мало осталось под флагом командующего флотом. А вот «акватория риска» многократно увеличилась – охранять теперь приходится значительно бо́льшую площадь океана.

К тому же еще и значительная часть вспомогательных крейсеров вытребована для армейских перевозок.

А ситуация с экипажами совсем критическая: на кораблях, оставшихся на плаву, выбито в среднем по двадцать процентов моряков. Из-за этого пришлось вывести в резерв значительную часть судов береговой обороны, но это все равно не решит кадровую проблему. Некем заменить тех блестящих комендоров, которые пали в битве на кораблях линии.

И офицеров. Здесь положение просто ужасающее. Погиб адмирал Мису, изранен и станет инвалидом Камимура. Из командиров погибших кораблей не спасено ни одного, а, кроме того, погибло или тяжело ранено семь капитанов первого ранга, благо, что далеко не все русские снаряды разрывались: Хейхатири Того вспомнил огромное количество аккуратных дырок, которые проделали вражеские попадания в бортах уцелевших кораблей. И с десятков десяти-двенадцати-

дьюймовых «болванок», которые не прошли борта и улетели в море, а были остановлены конструкциями японских крейсеров и броненосцев и остались на борту. И в каких местах зачастую! На «Адзуме» – внутри элеватора подачи снарядов в башню, на «Сикисиме» – внутри котельного отделения, на «Якумо» – внутри каземата. «Кассаги», легкий крейсер, получил три двенадцатидьюймовых попадания! И ни один из трех русских «гостинцев» не взорвался. Даже один разрыв вывел бы крейсер из строя, а потом его бы добили. Ох, и берегли боги каперанга Ямая!

Позже, разобрав неразорвавшиеся снаряды, выяснили, что виной всему алюминиевые бойки взрывателей – сминались раньше времени и не срабатывали. Обнаруженный факт немедленно засекретили, и оставалось надеяться, что русские об этом не узнали...

Но дела у Объединенного Флота очень неважные: армия и общественное мнение относятся к морякам откровенно негативно – сорваны и идут провальными темпами поставки для армии на материке, совершенно недостаточное количество поставляемых в Империю товаров. Страховые компании берут невероятный процент за риски при доставке, судовладельцы реагируют соответственно. Над страной реально нависает угроза голода...

И виноваты во всем мы, моряки. И от нас ждут чуда. Отсутствия оно не простят ни народ, ни армия, ни император...

А как его сотворить, это чудо? Сейчас на театре военных действий у нас только один современный броненосец против двух русских, да у противника еще вдобавок пять кораблей этого класса послабее «Сикисимы», но сильнее любого из наших броненосных крейсеров. Да еще три броненосных крейсера, из которых два весьма быстроходны...

К тому же через месяц-два силы русских увеличатся еще на пару современных броненосцев. Линейного боя с основными силами противника не выдержать. Будет полный разгром.

Но и отдавать русским Японское море нельзя.

– Ну что, Хейхатири, картина глаз не радует? – на мостик поднялся начальник штаба командующего, контр-адмирал Като. В бою ему оторвало два пальца на правой руке, но вернуться к исполнению своих обязанностей Като поспешил при первой возможности.

– Да уж чего радостного. Вот ты как себе представляешь дальнейшую войну на море?

– Послушаю тебя. Есть планы?

– Да какие планы, Томособуро? Планы можно составлять, когда есть силы для их выполнения. Реальные силы. А нам нечего противопоставить русским в генеральном сражении. И это даже сейчас. А разведка сообщает, что в течение месяца «Суворов» и «Ретвизан» войдут в строй. И гайдзины нас просто раздавят в генеральном сражении. И эта Россия, как гидра, посылает на Тихий океан еще одну эскадру. И ты

знаешь ее состав.

– Знаю. Если она присоединится к основным силам русских...

– Вот именно. А мы можем что-то сделать с их основными силами? Даже сейчас я не рискну напасть на их флот в полном составе. Противник уже показал, что он умеет сражаться. Умеет маневрировать. Это уже не те русские, которых мы били под Порт-Артуром.

– Не те. Сейчас их можно бить только по частям.

– А ты в самом деле веришь, что они эти самые «части» соизволят подставить нам под удар? Где и когда нам искать эти «части»?

– Ну что ты меня убеждаешь. Сам знаю. Положение у нас, как говорят русские: «хуже губернаторского». Не могу понять смысл этой фразы, но они говорят именно так, когда хотят выразить состояние полной безысходности...

– Безысходности мне и без тебя хватает. Делать-то что?

– Знаешь, пока я валялся после операции – думал именно об этом: «Что делать?». У нас есть только один козырь – десятки миноносцев. Наши истребители лучше русских, их больше, много больше. У нас имеются и малые миноносцы в большом количестве...

– Ну и? Давай, продолжай, раз начал.

– Подстерегать русские отряды под берегом. Вернее, под берегами. Хоккайдо и направление на Северную Корею – самые вероятные маршруты противника.

– Мы ведь с тобой не на карте в кораблики играем. А уголь? Ты представляешь, сколько сожрут дефицитного топлива все эти «стаи», поджидая добычу? Без всякой гарантии ее найти. Да и если встретят... Днем атаковать?

– Ну не днем, конечно. Но вцепиться в противника и дожидаться сумерек, ночи...

– Ну, разумеется. Ночи дожидаться. Ты помнишь, что русские выходили из Цусимского пролива именно в сумерках? И курс их был практически известен. И много их потопили при этом все наши миноносцы, сосредоточенные в одном месте? Четыре десятка миноносцев, отслеживающие эскадру в практически тридцать вымпелов, вышедшую из узкого пролива и имеющую весьма конкретное направление, утопили один крейсер. Один! На рассвете. Ты рассчитываешь, что четверка миноносцев наткнется на русский отряд как раз на закате, просчитает его курс, найдет его ночью и успешно атакует минами?

– Крайне маловероятно. Но ведь других шансов у нас нет.

Глава 10

Без животного белка жить можно. Но далеко не всем это нравится. А уж если речь идет о целом народе... Народов-вегетарианцев просто не существует. Там, где с животной пищей неблагоприятная обстановка, люди вообще едят все, «что шевелится», от личинок насекомых, самих насекомых, собак и вплоть до человечины.

Японию снабжал тем самым «животным белком» океан. Рис, бобы и рыба веками были основными продуктами, потребляемыми населением Страны восходящего солнца.

Именно по рыболовным промыслам и решило нанести очередной удар командование Тихоокеанского флота. Понятно, что истребить бесчисленные флотилии рыболовецких шхун никто не надеялся, но нужно было продемонстрировать, что ловить рыбу опасно. Японский флот непременно должен был отреагировать на такую угрозу и выделить немалую часть кораблей для прикрытия рыбаков. То есть адмиралу Того пришлось бы разделить свои и так уже не очень большие силы.

И, чтобы японцы не вздумали обойтись для этого старыми канонерками и столь же пожилыми малыми миноносцами, отряды повел на операцию крейсер «Олег».

К северо-западу от Хоккайдо силы русских разделились: «Олег» с номерными малыми миноносцами барона Радена

пошли вдоль северного побережья, а отряд истребителей повернул на юг.

Милях в пятидесяти западнее порта Отару охотники нашли свою добычу: около двух десятков шхун деловито прочесывали море сетями. Но рыбаки были не одни.

Многочисленным канонерским лодкам японского флота уже не осталось серьезной работы в этой войне (ну или пока ее не было) – обстрел берега противника или защита своего не являлись актуальной проблемой. Для сопровождения транспортов они были, как правило, слишком малы и слабы, а вот охрана промыслов – на данный момент самое подходящее занятие для этих корабликов. «Удзи», «Чокай» и «Иваки» втроем могли бы дать вполне достойный отпор шестерке русских миноносцев и даже вспомогательному крейсеру.

А вот появление здесь мощного «Олега» или ему подобного корабля совершенно не ожидалось. Но японские капитан-лейтенанты, стоящие на мостиках канонерок, о долге своем не забыли. Все три боевых корабля выходили на бой с грозным противником, не пытаясь спастись.

– Даже жалко на эти калоши снаряды тратить, а, Леонид Федорович? – обратился к командиру лейтенант Афанасьев, занявший теперь должность старшего офицера крейсера.

– Оставьте этот снобизм, Андрей Николаевич, – сухо бросил Добротворский. – Пусть корабли и небольшие, но военные. Пушки на них есть? Военно-морской флаг имеется? Ну и все! Пока флаги не спустят – истрелять. А нам с вами, в

случае чего, и самого мелкого их снаряда хватит. Да и вообще было бы обидно потерять хоть одного человека в таком бою – война еще не кончилась и людей надо беречь. Так что попрошу вас передать господам офицерам, чтобы не бравировали напрасно сами и матросам не позволяли на палубе без необходимости находиться. Это не цирк и не театр.

– Ну, флаги-то они не спустят. Не тот народ.

– Вот и ладненько. Открыть огонь!

Цели были мелковаты для дистанции в двадцать кабельтовых, но тем не менее уже на четвертой минуте запылял «Чокай» и было отмечено попадание в «Удзи». Японцы доблестно огрызались огнем, но пока безрезультатно. Что и неудивительно: пушек на канлодках было немного, пушки в основном слабенькие для боя с таким сильным противником, а комендоры... Понятно, что не лучшие в Соединенном Флоте.

Пока «Олег» со вкусом «колошматил посуду в данной лавке», русские миноносцы занялись рыбаками. Словно лисы в курятнике быстрые и юркие кораблики начали торопливо «собирать урожай». На рыбацкие суда просигналили приказ: «Прекратить движение. Экипажам покинуть борт».

Несколько дерзких не вняли: обрубив сети, они попытались уйти к своим берегам, но неповиновение тут же было на корню пресечено двумя миноносцами. Малокалиберные «пукалки», находившиеся на их борту, были совершенно несерьезным оружием при столкновении с боевыми ко-

раблями, но рыбацким лайбам, да еще при стрельбе почти в упор, тридцатисемимиллиметровых гранат вполне хватило. Две шхуны загорелись, но одной, которая изначально была дальше всех, все-таки удалось оторваться и уйти на мелководье. Однако вид горящих «ослушников» сильно дисциплинировал остальных рыбаков и те стали послушно спускать шлюпки – благо берег был недалеко и стоял почти полный штиль.

Оставленная рыболовецкая флотилия была безжалостно сожжена артогнем.

– Эх, ваше благородие! – сигнальщик с «Двести девятого» обратился к командиру. – Прямо сердце кровью обливается! Какие кораблики-то справные... Да и рыбакам местным как теперь жить? Только милостыню просить...

– На войне как на войне, Клименко, – снизошел до ответа лейтенант, – да и сам подумай: разве японцы в таком случае с нашими церемонились бы?

– И то правда, господин лейтенант. Не мы эту войну начали. Это я так – шхуны жалко...

А «Олег» тем временем продолжал терзать свои жертвы. Сколько-нибудь серьезную опасность для крейсера представляло только двухсотсорокатымиллиметровое орудие на «Чокай», но и то чисто теоретическую. Эта короткоствольная пушка и докинуть-то снаряд на двадцать кабельтовых могла с трудом, а уж про прицельный выстрел и говорить не

приходилось. К тому же после первых же залпов этот «монстрик» был приведен к полной непригодности для использования, и русские комендоры с толком, с чувством, с расстановкой, в полном комфорте «доедали» вражескую канлодку. Да и много ли надо кораблю в шестьсот тонн водоизмещением шестидюймовых снарядов? Уже после третьего попадания «Чокай» сильно запарил и потерял ход, а после пятого стал явственно оседать на нос.

Крейсер перенес весь огонь на «Иваки», который тоже долго не продержался. Уже после четвертого попадания главным калибром взорвались котлы, и канонерка затонула даже быстрее постепенно погружающегося «Чокай».

Капитан-лейтенант Канеко даже не пытался спасти своего «Удзи». Воспользовавшись тем, что русский «большой дядька» пока не обращает на эту канлодку внимания. Было понятно, что от «Олега» не уйти. Тринадцать узлов – слишком несерьезная скорость, чтобы попробовать спасти корабль от быстроходного крейсера. Мелкие пушки канонерки продолжали исправно бить по врагу, практически не причиняя тому никакого вреда. Да никто из экипажа и не надеялся. Оставалось только погибнуть с честью и показать этим северным варварам несгибаемость самурайского духа.

И неизбежный момент наконец наступил: «Олег», уже совершенно не опасаясь «игрушечных» пушчонок «Удзи», чтобы не разбрасывать зря снаряды, резко пошел на сближение и обрушил на японский корабль всю мощь своего огня

с совершенно убийственной дистанции. Буквально за пятнадцать минут канонерка была разорвана в клочья.

– Вот так вот! – мрачно выдохнул на мостике крейсера Добротворский. – Не все им впятером одного нашего расстреливать. Здесь вам не Чемульпо!

Но, несмотря на спешку, шлюпки все же спустили и даже подняли в них из воды несколько десятков японских моряков. В том числе и одного офицера. Наверное, война уже потихоньку начала терять популярность в Стране восходящего солнца. Это был хороший признак. Но обольщаться не следовало – резервисты, служившие на кораблях даже не третьей, а скорее четвертой «очереди», пока не были показателем.

Миноносцы взяли на буксир несколько шхун, но как только корабли отошли от места боя (или избиения) на пару десятков миль, трофеи были немедленно пущены ко дну – отряд не собирался терять пять-шесть узлов скорости из-за сомнительной ценности добычи. А японцы пусть думают, что гайдзины тащатся на десяти узлах.

В общем, операция к северу от Хоккайдо прошла весьма успешно. А вот у западного побережья острова все сложилось далеко не так радужно...

Глава 11

– Тень на левой раковине! – голос сигнальщика резанул по ушам лейтенанта Вурма, который с недавнего времени являлся командиром «Буйного». Коломейцев ушел командовать «Светланой», и вообще из прежних командиров эсминцев только Дурново и Рихтер остались на мостиках своих кораблей, но получили чины капитанов второго ранга и стали начальниками отрядов.

Это был первый поход Николая Васильевича в качестве командира корабля. И поход на редкость неудачный. Четыре русских миноносца были отправлены навести шороху в окрестностях Сангарского пролива, но особыми успехами похвастать не могли. Мало того – еще и напоролись по дороге на пассажирский пароход. Топить его было нельзя, а заставить молчать – тоже. К гадалке не ходи – Того уже в курсе, что у побережья Хоккайдо шляются русские миноносцы.

И Вурм мысленно материл командира отряда Рихтера уже на протяжении двенадцати часов. Нужно было возвращаться несолоно хлебавши. Но нужно! Неужели непонятно, что ничего достойного внимания здесь уже не поймать?

Но приказ есть приказ. «Быстрый», «Блестящий», «Безупречный» и «Буйный» послушно резали волны в поисках добычи. И вот вроде нашли... Охотника.

...Эсминцы типа «Асакадзе» не успели к Цусимскому сражению, но вот к августу четверо из них «поспели». А ведь на тот момент они были, пожалуй, сильнейшими миноносцами мира. Во всяком случае, при бое именно между миноносцами. Японцам пришла в голову при их строительстве простая, как перпендикуляр, мысль: бой между эсминцами ведется на малых дистанциях, поэтому дальнобойность пушек вторична – главное вес снарядов. И на этих новых «истребителях истребителей» стояло целых шесть трехдюймовых пушек. Пусть четыре из них и были короткоствольными. (Напомню читателю, что у русских эсминцев было ОДНО трехдюймовое орудие и несколько несерьезных сорокасемимиллиметровых.)

Капитан первого ранга Фудзимото получил приказ выйти со своим отрядом на перехват русских истребителей, и тут же, в течение часа, его новейшие «убийцы миноносцев» стартовали из Хакодате, чтобы отыскать и покарать дерзких.

Восходящее солнце рассеивало туман, и силуэты русских миноносцев становились отчетливо видны ищущим их. На японских «асакадзах» дружно прокричали «Банзай!», и противники пошли на сближение.

На русских кораблях тоже взлетели до места боевые флаги, тоже прооралось «Ура!» и комендоры стали хищно зацапывать прицелами силуэты врагов.

Началось! По бортам японских истребителей пробежали

вспышки выстрелов и первые жестокие «приветы» понеслись к русским кораблям, чтобы посеять смерть. Ответный огонь не заставил себя ждать. Часто-часто затягвали сорокасемимиллиметровые пушки и чуть реже бахали трехдюймовки.

– Ниче! – почти весело подал голос рулевой. – Драка честная – баш на баш. Набьем морду узкоглазым!

– А ну не отвлекайся! – резко одернул говорливого матроса командир.

«Да уж! Честная! Если вымпелы считать, то конечно, – пронеслось в голове лейтенанта, – а вот то, что любой „японец“ нас вдвое по весу залпа превосходит... Что за черт?»

Все японские снаряды давали всплески одинаковой высоты. Бил один калибр. Причем крупный (для миноносцев крупный, естественно). Несколько минут японцы нащупывали дистанцию, а потом началось...

Под огнем в первую очередь оказались именно два последних в строю корабля русских, причем если по «Безупречному» бил только головной «Камикадзе», то концевой «Буйный» обстреливали сразу три эсминца противника. Он, казалось, исчез за лесом разрывов – миноносец некоторое время спасало только то, что с точностью повторилась ситуация с завязкой Цусимского сражения, когда начавшие все вместе без команды стрелять по «Микасе» корабли не могли отличить свои всплески от чужих и нормально корректировать стрельбу. Здесь же японские моряки сполна ощути-

ли причину, почему конструкторы всех флотов того времени избегали ставить на корабли разные орудия близких калибров — для «длинных» и «коротких» пушек требовались разные данные стрельбы, и длительности полета снарядов тоже были разными. В результате три японских истребителя не могли различить «свои» всплески от обоих типов орудий на фоне таких же от двух других миноносцев — все всплески были абсолютно одинаковыми и часто повторяющиеся залпы слились в одно кипение вокруг концевой русского миноносца... Но все-таки досталось ему здорово: практически первым же попаданием была уничтожена кормовая пушка вместе со всем расчетом, затем взрывом сбило антенны, но это не фатально, еще один снаряд, не разорвавшись, прошел третью трубу. И ведь это был только «дебют» боя. Японцы настигали, и эффективность их огня возрастала.

«Быстрый» пока не обстреливался, и командир отряда так еще и не понял, на какого противника они нарвались. Рихтер продолжал уверенно держать подчиненные ему миноносцы на прежнем курсе, приказав, правда, склониться в сторону противника и изобразить нечто вроде «кроссинг Т» их головному. Небезуспешно. «Камикадзе» получил несколько попаданий, свалилась его фок-мачта, и на баке разгорался пожар. Однако при этом с «Быстрого» открылся и вид на «Буйный», на котором с неприятной регулярностью вспухали облака разрывов.

Кстати, русские сорокасемимиллиметровки первое время

даже были предпочтительней: наводить эти легкие пушки было быстрее и удобнее простым нажимом плеча. А трехдюймовые орудия приходилось «перемещать» и по горизонту, и в вертикальной плоскости вращением рукоятей. За массу снаряда нужно платить массой орудийной установки, а значит, и скоростью ее наведения на цель. А в бою скоростных кораблей, каковыми являются миноносцы, скорость стрельбы решала очень многое. И град мелких снарядов зачастую был более эффективным, чем редко прилетающие крупные.

Пожаров на сражающихся кораблях почти не было – нечему гореть. Эсминцы являлись практически цельнометаллическими изделиями. По инструкции из дерева разрешалось изготовить только сиденья на унитазах в галюнах (на то время только там древесина была незаменимым материалом). Ну, разве еще ящики для снарядов делались из дерева. Гореть, повторюсь, на русских миноносцах было практически нечему. Но это не делало летящую в «Буйный» смерть менее жадной. Визжащие осколки снарядов собирали свою кровавую жатву.

Боя без крови не бывает, но было до слез, слез ярости, обидно наблюдать, как твой корабль чуть ли не безнаказанно исколачивает противник. Да еще и невезение внесло свою лепту: один из снарядов разбил вторую рулевую машину, а другой расковырял борт так, что оказался затопленным патронный погреб баковой трехдюймовки. Матросы по соб-

ственной инициативе начали нырять туда за боеприпасами. Пушка продолжала стрелять, но темп огня заметно снизился. Еще бы! Пройди за каждым патроном по грудь в воде, нырни, найди на ощупь этот самый патрон, который весит несколько килограммов, выберись с ним, отдышись, и снова... А помещенье-то не очень просторное, а люди и на других постах сейчас нужны до зарезу...

В общем, изредка бабахала носовая. И попадала тоже не очень часто.

Унесли уже троих наводчиков, двоих, хоть они еще и не умерли, можно было смело вычеркивать из числа живых. С такими ранами на этом свете долго не задерживаются: у одного оторвана рука у самого плеча, а у второго был разворочен весь низ живота.

К пушке встал наводчик одной из разбитых сорокасемимиллиметровок, матрос Костряков. Орудие непривычное, но в данном случае можно было поверить в японскую «Такуга-дзен»: просто доверься своим чувствам (карме, интуиции и тому подобному), наведи пушку и стреляй...

Три выстрела – три попадания в «Камикадзе».

Японский миноносец, вдобавок ко всему прочему, сильно запарил, выкатился из строя и сбросил ход почти до нуля.

«Быстрый» с остальными пытались увести преследователей от измученного «Буйного», но японцы не клюнули на эту уловку: на такой дистанции им было вполне достаточно подключить пушки ранее нестреляющего борта, чтобы на-

носить кораблям Рихтера вполне сравнимые повреждения, а «дожевать» отставший русский миноносец очень хотелось. Потопленный в бою боевой корабль противника – это дорогого стоило!

И шквал огня по «Буйному» не утихал. Палубную команду уже выкосило практически наполовину, разбило вдрызг первый минный аппарат (чудо, что не взорвалась мина, приготовленная к выстрелу), кроме редких выстрелов баковой, огрызалась еще только одна мелкая пушка правого борта.

– Ну сколько еще нас нужно бить, чтобы адмиралы научились не только делать выводы, но и принимать соответствующие меры? – чертыхался Вурм, зажимая порванное осколком ухо. – Ведь по результатам Цусимы было ясно, что в корме тоже нужно ставить семидесятипятимиллиметровую пушку! Даже раньше! Еще в Артуре. И ведь ставили: «Сильный» и «Статный» уже ходили там с двумя трехдюймовками. А ведь те миноносцы почти на треть меньше наших.

И не было бы сейчас этого избиения. Эх-х!..

Крен на правый борт медленно, но неуклонно нарастал, и было понятно, что «Буйный» свое отплавал. Нужно было спасать экипаж.

Положение корабля видели и японцы, поэтому, когда замолкла и баковая пушка русского миноносца, пошли на сближение, стреляя только из орудий левого борта, развернув носовые и кормовые пушки в сторону оставшихся истребителей Рихтера и наглухо парируя их попытки прийти на

выручку собрату.

Японцам была очень нужна и важна эта победа в самой первой операции после сорвавшихся переговоров. Желательно было еще и не упустить остальные русские миноносцы, но, как минимум, добить подранка. Вызвали еще один отряд контрминоносцев, но подход этой четверки ожидался не ранее чем через полчаса и это только в данную точку. Значит, пока нужно задержать здесь уцелевших русских как можно дольше, тогда конец им всем...

Однако Рихтер, видя безнадежное положение «Буйного», дал приказ остальным отходить на север. Было очень вероятно, что под своим берегом противник скоро получит подкрепления. Радиостанция «Быстрого» затрещала на весь эфир попытками связаться с группой «Олега». Их услышали, но в ближайшее время помощи ожидать не приходилось.

– Уходят... Бог им судья, – командир «Буйного» с тоской смотрел на удаляющиеся дымы отряда. Теперь самым благоприятным исходом для его экипажа был плен.

«Камикадзе» все-таки дал небольшой ход и стал осторожно приближаться к тонущему русскому миноносцу. Не наглежа. Японцы понимали, что хоть пушки и молчат, но насчет минных аппаратов уверены не были. Хоть «Буйный» имел уже значительный крен и был готов перевернуться, кто его знает... Вдруг шарахнут миной и тогда победа превратится практически в поражение.

– Всем спастись по способности! – лейтенант Вурм прокричал свою последнюю команду. Последнюю... И выход в море в качестве командира корабля оказался первым и последним. И теперь уже возможно навсегда...

Шлюпка была, естественно, искорежена осколками, и команда посыпалась в воду, хватая все то, что имело длительную положительную плавучесть. А это были практически только койки. Ни спасательных кругов, ни тем более жилетов в то время еще не применяли. Изделий из древесины, как уже упоминалось, на русских миноносцах тоже не было. Оставалась только парусиновая, туго скрученная койка, которая могла держать человека на поверхности около получаса, пока не пропитается водой насквозь и не потеряет свою плавучесть.

Да и это сомнительное средство спасения досталось немногим: не побежишь же в кубрик, когда палуба уходит из-под ног и корабль вот-вот опрокинется...

А вода, несмотря на начало сентября и достаточно южные широты, была далеко не курортной – холодное течение, выходящее из жерла Сангарского пролива, вносило свою жестокую корректировку в температурный режим Японского моря в этих местах.

Командир уходил последним. Как и положено. Тонуть вместе с кораблем... Красиво, эффектно, но и бессмысленно. России слишком дорого обходится подготовка каждого

морского офицера, как и любого офицера... И даже солдата или матроса. Просто погибнуть «назло врагу» – достаточно дешевая поза. И лейтенант это понимал.

Дрались до конца. Флага не спустили. А каждый офицер и матрос еще пригодятся Империи. Потом. После плена. Но пригодятся.

Наверное, и традиция гибнуть командиру (капитану) вместе с кораблем родилась из страха. Страх отвечать за погубленное судно. А потом покрылось это романтикой...

Все эти мысли промелькнули в голове командира «Буйного» менее чем за секунду. А потом он, приняв решение, скинул тужурку и рыбкой сиганул в море с уходящего из-под ног борта.

Японцы с «Камикадзе» спасти противника не особо торопились. Пока корпус «Буйного» не скрылся под водой, по нему продолжали стрелять. Близкие разрывы контузили державшихся на воде русских моряков и многие погибли в результате этого бессмысленного расстрела.

Но, в конце концов, сыны Аматерасу пошли «собирать» свои трофеи. Двадцать человек с русского миноносца были взяты на борт «Камикадзе». Из офицеров – только командир.

Именно в тот момент, когда лейтенанта поднимали на борт японского истребителя, мимо пронесло отряд из четырех «японцев», мчавшихся на подмогу своим.

– Пошли нашим салазки загигать, – мрачно бросил ко-

мендор Смык, находившийся рядом.

– Суду виням уз коциняс, – мгновенно отозвался кочегар Скуиныш.

– Что? – обернулся лейтенант.

– Это он про дерьмо на палочке, – засмеялся боцман, – все наши приговорки на свой латышский перепирует. Я уже разбираться стал.

Вурм удивленно посмотрел на матросов и боцмана. Они совсем не выглядели побежденными. Только что выловленные из холодной воды, русские моряки улыбались. Какие-то невероятные выверты человеческой психологии не дали этим людям впасть в уныние, несмотря на кровь и смерть, которые были рядом с ними на протяжении часа. Ведь всего десять минут назад ни один из них не знал, подберут его или нет. Останется он жить или навсегда будет вычеркнут из списка населяющих планету.

Может, позже некоторые из них взвоют, вспомнив о разорванных в клочья взрывами или утонувших друзьях... Но сейчас среди пленных русских моряков царил смех.

Это не могло не удивить и не возмутить стоящих рядом японцев. Офицер что-то гортанно выкрикнул и указал рукой в сторону кормы.

Во избежание ненужных конфликтов Николай Васильевич приказал своим подчиненным успокоиться и подчиняться японцам. Он и сам уже собрался двинуться на ют вместе с матросами, но японский офицер жестом удержал Вурма на

месте.

– Старший лейтенант Кисика, – по-английски представился японец.

– Лейтенант Вурм, – русский офицер собрался было козырнуть в ответ, но вовремя вспомнил, что фуражки на голове, естественно, нет. – Командир миноносца «Буйный».

– Какова была задача вашего отряда?

– К сожалению, я лишен возможности ответить на ваш вопрос, – улыбнулся лейтенант, и японец, на самом деле и не ожидавший другого ответа, понимающе кивнул.

– Ну, разумеется. Сейчас вас проводят переодеться в сухое, дадут горячего чая, а позже мы с вами еще побеседуем.

Беседа оказалась не из приятных.

Когда Николай Васильевич, переодетый в матросскую робу, присел в каюте перед Кисика, он уже ощущал существенный дискомфорт: одежда категорически мала, и было очень неприятно выглядеть в ней смешным перед лицом победившего врага.

Японец весьма приветливо предложил рому, и чашка с крепким и душистым напитком была принята с удовольствием. На этом «удовольствия» закончились.

– Господин лейтенант, вы храбро сражались, и я высказываю уважение вашему мужеству. Но наши страны находятся в состоянии войны. Для меня важнее всего судьба моей Родины. Поэтому я, к глубокому моему сожалению, иногда не могу себе позволить быть рыцарем по отношению к против-

нику. Рыцарем в вашем, европейском понимании.

– Я не совсем понимаю, о чем вы, господин старший лейтенант. – Вурм прекрасно представлял, к чему ведет его собеседник, но нужно было собраться с мыслями и приготовиться к интеллектуальному поединку. Знать бы, о чем пойдет речь.

– Дальность плавания ваших миноносцев слегка превышает тысячу миль экономическим ходом. От Владивостока до Цугару – четыреста тридцать. И столько же обратно. Это если спокойное море и по линейке. В реальности будем считать пятьсот миль. У вас остается запас на приблизительно сто миль. Это если не давать полный ход. А был бой и рассчитывать, что его не будет, наверняка ваше командование не могло. Не объясните ли эти несообразности?

– А если нет?

– Мне будет очень жаль. Даже не вас – ваших матросов. Начнем мы с них. Вы понимаете, о чем я?

– Разумеется. И вы пойдете на пытки военнопленных?

– Ради моей страны? Конечно! Не забывайте, что мы японцы. У нас другая психология и на некоторые вопросы морали мы смотрим с европейцами совершенно по-разному.

– Хорошо. Я могу вам преподнести несколько версий: мы выходили из порта, взяв дополнительный уголь в мешках на палубе. Нас сопровождал вспомогательный крейсер почти до самых берегов Хоккайдо. Мы забункеровались, и о его дальнейших задачах лично я ничего не знаю, далее: нас должны

встретить наши корабли на обратном пути, но точку randеву знает только командир отряда. Любой вариант не дает вам никакой полезной информации и не может быть проверен в ближайшее время.

Японец задумался секунд на двадцать и ответил:

– Ошибаетесь. Первые два случая проверяются очень легко и быстро. Очень сомневаюсь, что вы заранее приказали всей команде заучить заведомую дезинформацию и что на допросе ваши матросы выдадут именно ее. А рассчитывать, что все они будут молчать под пытками – наивно. Не так ли?

«Вот это влип! – заметались мысли в голове Николая. – Потихоньку начинаю жалеть, что не пошел ко дну вместе с кораблем. Припер меня к стенке намертво. И главное – кругом прав. Хотя...»

– Простите, а у вас на борту есть человек, говорящий по-русски? А то мои матросы английского языка практически не знают.

– Есть, можете не сомневаться. И не один, – ни один мускул не дрогнул на лице японца, видимо, он действительно был уверен в своих словах. – Я даже помогу вам не мучиться по поводу того, блефую я или нет. Не блефую.

Кисика встал и подошел к двери каюты. Хватило полутора шагов – каюты на миноносцах невелики.

Открыв дверь, он взмахом руки позвал внутрь того, кто, вероятно, заранее находился здесь и ждал приглашения. Это был совсем молоденький гардемарин и, обменявшись парой

фраз со старшим лейтенантом, юноша обратился к Вурму:

– Рад вас приветствовать, господин рейтенант! – звучало достаточно чисто, а то, что японцы не могут выговаривать звук «л», Николай Васильевич знал давно. – Как ваши дера?

– Спасибо, хреново, – русский офицер чувствовал, что его опять переиграли. – Простите, а вы ездите верхом?

– Зачем вам это знать? – гардемарин позволил себе выказать удивление.

– Просто подозреваю, что вы не поняли моего вопроса и русским владеете на уровне нескольких фраз. Итак?

– Я моряк и на рошадях никогда не ездит. Этого достаточно?

И снова карта была бита. Карта последней надежды.

– Хорошо, вы меня убедили. Господин Кисика, – перешел лейтенант на английский, – все равно я не поверю, что вы опуститесь до пыток моих людей. В этой войне Япония проявила себя хоть и хитрым, но благородным противником. Не думаю, что вы, вместе с экипажем своего корабля, являетесь исключением.

– Приятно слышать, – слегка поклонился японец, – но не советую на это рассчитывать. Мы придерживались европейских принципов ведения войны, когда побеждали. Теперь же речь идет о выживании нации. Тем более что на борту нет иностранных корреспондентов и наблюдателей.

– Но ведь мои матросы, оставшиеся в живых... – Вурм осекся.

– Что? Вы уже сами поняли? Никаких «оставшихся в живых» не будет. «Камикадзе» получил серьезные повреждения и нужно было заботиться о спасении своего корабля, а не вражеских моряков. Меня не осудит никто: от раненного вами капитана первого ранга Фудзимото и до последнего матроса. И ни один из них не проронит ни слова о том, что произошло на борту нашего миноносца. Смею вас уверить – ни один. А правду от ваших людей мы все равно узнаем. И вы будете на это смотреть. Будете! Можете не сомневаться. Верите?

Офицеры смотрели друг на друга в упор. И лейтенант Российского Императорского Флота Николай Васильевич Вурм жалел уже не только о том, что не утонул со своим «Буйным», но и о том, что вообще родился на свет.

– Я могу подумать? – до жути хотелось, чтобы рядом был револьвер – одно нажатие на спусковой крючок, и все бы кончилось...

Кончилось бы для него, лейтенанта Вурма, но не для матросов с «Буйного»...

Нет! Уходить от проблем с помощью самоубийства... Не зря церковь этого не прощает – переложить свои проблемы на других – не выход.

– Хорошо, – выдавил из себя лейтенант, – что вы хотите знать? Только сразу предупреждаю, что никакой пользы от сведений, полученных вами от меня, японский флот не получит.

– А уж об этом мне судить. – Кисика был доволен результатом, но его лицо оставалось непроницаемым. – Так что у вас было со снабжением углем?

– Вспомогательный крейсер довел нас до северо-западного побережья Хоккайдо и забункеровал сверх штатного запаса. К моменту боя у нас были полные угольные погреба.

– Понятно. Какой вспомогательный крейсер?

– А то вы не знаете! Ваших шпионов во Владивостоке чуть не горстями гребут. «Рион». Надеюсь, вы поверите, что его командир не удосужился меня уведомить о своих ближайших планах?

– Поверю, – как бы не заметил издевательского тона японец, – но ведь ваш отряд был не один. Не так ли?

– Судя по вашей уверенности, вы прекрасно знаете, что не один. И, судя по всему, он, этот отряд, уже успел отметиться у ваших берегов. Не так?

– Конечно. Их обнаружили.

– Думаю, что они сами себя обнаружили, а не ваша разведка. Так же как и мы. Просто не ожидали такого оперативного ответа от вашего флота. И такими силами.

– Думаю, что флот микадо преподнесет российскому немало подобных сюрпризов, – улыбнулся японец. – Но речь сейчас не об этом. У вас наверняка была назначена точка randevu после операции.

– Наверное, была, – не полез в карман за ответом лейтенант, – но ее если кто и знал, то только командир отряда. И

то не факт – мы способны были вернуться во Владивосток и сами. А уж про то, что координат ее не знают матросы, думаю, мне вам доказывать не надо.

– Ладно, оставьте. Никто не будет пытаться ни вас, ни ваших людей. Арима уже беседует с некоторыми из них... Успокойтесь! – повысил голос японский офицер, заметив, что Вурм дернулся. – Никаких пыток. Они сами расскажут все, что нужно для проверки ваших слов. Только для проверки. Хотя я не сомневаюсь, что вы сказали правду.

На этом злоключения закончились. Николая Васильевича оставили в покое, через день «Камикадзе» дотащился до Хакодате, и для экипажа «Буйного» потянулись месяцы плена...

Глава 12

Капитан второго ранга Отто Рихтер был не в самом благодушном настроении: первая операция, где он выступал в качестве командира соединения, – и уже один эсминец из четырех потерян.

Ведь как хотелось развернуться навстречу этим японским «истребителям-сюрпризам», с их большими пушками! Рядом со своими берегами или посреди Японского моря он бы так и сделал, но сейчас вопрос стоял только о том, чтобы спасти оставшиеся корабли. Братьев-цусимцев с тонущего «Буйного» пришлось бросить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.